

НИКОЛАЙ ФИЛАТОВ

№ 4. В ТИСКАХ У МОНСТРА

Пьеса в 2-х актах

© Николай Филатов

Ключевые параметры пьесы:

Формат: Двухактная пьеса для камерной или большой сцены

Жанр: Трагикомедия / Психологическая драма

Хронометраж: ~ 2 часа 20 минут (с антрактом)

Референсы (театральные):

«Прошлым летом в Чулимске», «Утиная охота» А. Вампилов, «Татуированная роза»

Т. Уильямс, «Кислород» И. Вырыпаев, «№ 13» Р. Куни.

Готовые материалы: логлайн, синопсис, пьеса.

Дополнительно: к пьесе прилагается

запись авторской песни.

2025

Логлайн

Когда твой театр рушится, жена уходит, а любовница требует денег — кто ты без рампы, оваций и лжи? Завлит, погрязший в интригах, в один день теряет всё и сталкивается с главным монстром — собой.

Синопис

Ибрагим Салетович Алибабаев — завлит одного из ведущих театров, человек, который десятилетиями решал, чьи пьесы попадут на сцену, а чьи — в корзину. Он гордится своей властью, своим вкусом, своей «системой Станиславского: „Не верю“». Но за фасадом успеха — хаос: он изменяет жене Наталье с молодой Жанной, живёт на кредиты, пишет пьесы, которые никто не ставит, и мечтает о режиссёрской славе, которой его не пускают касаться. Однажды всё рушится.

Жена, подслушав разговор с любовницей, уходит, обвиняя его в двойной жизни.

Директор театра увольняет его за плагиат, диктаторские методы и провальную постановку с жирафами и пони — метафору, которую зритель не понял.

А тут ещё появляется Светлана — старая знакомая, случайно оказавшаяся матерью его взрослой дочери, о существовании которой он и не подозревал.

Оставшись один, в пустом кабинете, среди гор пьес, которые он так и не прочитал, Алибабаев сталкивается с собой. Через разговоры с коллегами, телефонные звонки, воспоминания и монологи перед камерой он проходит путь от самовлюблённого артиста до человека, который впервые задаётся вопросом: а кто он на самом деле? Не завлит, не режиссёр, не писатель — а просто мужчина, потерявший всех, кого любил.

Но в самый момент отчаяния он находит новую пьесу — не написанную, а прожитую. Его собственная жизнь становится сценарием. И, может быть, только в этом хаосе, в этой трагикомедии, он наконец найдёт правду — ту, что не нужно адаптировать для сцены.

Действующие лица:

Ибрагим Салетович Алибабаев, 48 лет. Завлит престижного театра. Интеллектуал с амбициями режиссёра и драматурга. Самовлюблённый, измотанный системой и собственной жизнью. На грани нервного срыва.

Наталья, 45 лет. Жена Алибабаева. Умная, сдержанная, давно подозревающая измену.

Прагматичная, но не лишённая чувства юмора. Её любовь превратилась в усталость, но она всё ещё надеется на честность.

Жанна, 32 года. Любовница Алибабаева. Капризная, эмоциональная, живёт в мире иллюзий. Видит в нём "героя", но на деле — его зеркало: поверхностного, зависимого от признания.

Геннадий, 40 лет. Режиссёр, бывший ученик Алибабаева. Искренний, верный, видит в нём учителя. Пытается поддержать, когда тот падает. Его слова — голос совести.

Елена, 38 лет. Сотрудница театра, помощница зав. лита. Острая на язык, саркастичная, но с глубоким уважением к театру. Её юмор — броня против цинизма.

Вера, 25 лет. Молодая драматург, полная надежд. Её пьеса — попытка быть услышанной. Её конфликт с Алибабаевым — столкновение поколений и систем ценностей.

Директор театра (Иван Иванович), 55 лет. Чиновник от культуры. Прагматик, боится скандалов и провалов. Его решение уволить Алибабаева — не личная вражда, а необходимость.

Эльмира Наримановна (в воспоминаниях), 70 лет. Бывший завлит, наставница.

Светлана, 47 лет. Бывшая одноклассница Алибабаева. Женщина с прошлым, мудрая, спокойная. (Голос по телефону)

ПРОЛОГ. ИСТОКИ И РАБОЧЕЕ УТРО

1985 год. Полумрак. Слышен нарастающий стук колес поезда. На авансцене - фрагмент вагона, освещённый тусклым светом. Звук приближающегося поезда, скрежет тормозов.

Затем ритмичный стук колес. Слышны голоса.

ЖЕНЩИНА (*схватившись за живот*): Сарет!... Кажется, началось...

МУЖЧИНА (*в панике*): Потерпи немного, Зульфия! Я сейчас позову проводницу. Проводница! Где проводница?! (*бежит к двери*) Помогите! У моей жены роды!

В вагон входят проводница и доктор с сумкой.

ДОКТОР: Так, быстро освободите место! Муж, помогите жене лечь!

Суета, крики Зульфии, затем — пронзительный плач младенца.

ДОКТОР (*улыбаясь*): Поздравляю! У вас сын!

САРЕТ (*обессиленно*): Слава Богу... Спасибо...

Свет меняется. Фрагмент вагона исчезает. Наше время. На сцене появляется современный кабинет небольшого театра. За столом - АЛИБАБАЕВ, 45 лет, ухоженный мужчина.

АЛИБАБАЕВ (*зрителям*): Здравствуйте, дорогие товарищи!

Открывается дверь кабинета. Входит ГЕННАДИЙ.

ГЕННАДИЙ: Привет, Ибрахим! Что-то ты меня товарищами назвал?

АЛИБАБАЕВ: Это я не вам адресовал обращение, Геннадий Максимович... Зрителям моего канала...

ГЕННАДИЙ: Вот как, понял... Сегодня по расписанию - гастрольный вояж в Барнаул. Но наша прима слегла, и теперь гастроли под угрозой. (*озабоченно*) Может, стоит перелицевать афишу - сменить постановку?

АЛИБАБАЕВ: Давай. Поторапливайся.

Геннадий уходит. Открывается снова дверь. Входит ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА: Привет, Ибрахимчик! Ты не забыл, что через два дня - 8 Марта! Готовишь ли ты письменное поздравление женщинам нашего коллектива? Мне его надо вывесить сегодня до темна!

АЛИБАБАЕВ (*с пафосом*): Оно в работе, дорогая Елена! К вечеру принесу сие творение лично в ваши руки!

ЕЛЕНА (*строго*): Смотри не подкачай! Завтра - день икс, исправлять ситуацию будет некогда.

Елена уходит. Алибабаев поворачивается к зрителям.

АЛИБАБАЕВ: Меня зовут Ибрахим Салетович. Необычное отчество - Салетович - дело случая. Я родился на полустанке, когда родители ехали в поезде. Отец, Сарет Араратович, сразу пошёл в сельсовет за свидетельством о рождении.

Свет меняется. На сцене появляется сотрудница ЗАГСа за столом напротив Алибабаева.

РАБОТНИЦА ЗАГСА: Как зовут мать ребёнка?

АЛИБАБАЕВ: «Отец ответил: Зульфия».

РАБОТНИЦА ЗАГСА: Кем вы доводите ребёнка? Если отцом, то назовите своё имя?

АЛИБАБАЕВ: «Он ответил: Я отец. Моё имя Салет».

РАБОТНИЦА ЗАГСА: Вы шутите, молодой человек... Такое имя, как Салет, я ранее не встречала.

АЛИБАБАЕВ: «Он ответил: - Са-лет. А-ла-ла-то-вич».

РАБОТНИЦА ЗАГСА: Вы надо мной издеваться вздумали?! (*решительно*) Я записываю имя отца Салет. Следовательно, вашего ребёнка зовут Ибрахимом Салетовичем Алибабаевым.

АЛИБАБАЕВ: «Отец возразил: Я не выговариваю букву «Р» с детства». (*пишет на бумаге*) «Поменяйте в имени букву «Л» на «Р».

РАБОТНИЦА ЗАГСА: Уважаемый! Вам поздно пить боржоми. Я уже всё оформила, выписала свидетельство. Вы сами расписались. Новый бланк портить не стану. Поэтому, примите мои поздравления с рождением сына! Ибрахима Салетовича Алибабаева.

*Свет снова меняется. Работница ЗАГСА уходит.
Переход в настоящее время, в кабинет Алибабаева.*

АЛИБАБАЕВ (*с лёгкой грустью*): Вот так я и стал Ибрахимом Салетовичем. Правда, мама после выписки упрекала отца за имя, что назвал Ибрахимом вместо Ибрагима, как договаривались.

Алибабаев смотрит на часы, затем в окно. Звонит телефон.

АЛИБАБАЕВ: В данный момент я нахожусь на работе. Прошу прощения, мне поступил входящий видео звонок. После разговора я вернусь к своему повествованию.

Алибабаев берет телефон. На экране появляется лицо АННЫ ГЕРМАНОВНЫ.

АННА ГЕРМАНОВНА: Здравствуйте, Ибрахим Салетович. Это директор театра «Созвездие». Время не терпит, поэтому взяла бразды в свои руки. У нас есть важная информация для вас. Известный продюсер хочет снять киноленту по вашей пьесе!

АЛИБАБАЕВ (*с удивлением*): Фильм? Это интересно.

АННА ГЕРМАНОВНА: Но есть одна проблема: они хотят внести изменения концовку вашей пьесы. Считают, что оригинальная концовка слишком мрачная для кино проекта. Наш сотрудник, как ваш соавтор, готов помочь в кратчайшие сроки внести изменения.

АЛИБАБАЕВ (*слушает*): Соавтор?! Какой ещё соавтор?! Он говорит, я дал на это согласие?! (*с отчаянием и возмущенно*) Не согласен! В общем, зарубаю эту затею, ясно?! Моё слово – закон!

АННА ГЕРМАНОВНА: Здравствуйте, Ибрахим Салетович! Я, директор театра «Созвездия». Время не терпит отлагательств, поэтому взяла бразды в свои руки и без порученцев звоню напрямую. Ко мне киношники «нарисовались»: хотят экранизировать вашу пьесу!

АЛИБАБАЕВ (*удивлённо*): Снять фильм? Забавно...

АННА ГЕРМАНОВНА (*торопливо*): Но есть загвоздка – им финал не нравится. Говорят, ваш финал слишком мрачен для массового зрителя. Наш драматургический режиссёр Каратов, как соавтор, готов за двое суток адаптировать концовку под их запрос.

АЛИБАБАЕВ (*вскипая*): Каратов – мой соавтор?! Кто ему позволил?! Да он мухи не обидит, а тут в соавторы подался! Нетушки! Это детище... МОЁ! Уловили? Или повторить с чувством, толком и расстановкой?

АННА ГЕРМАНОВНА (*с налётом дипломатии*): Ибрахим Салетыч, они готовы отстегнуть солидный паёк за права. Гонорар приличный авансом; плюс проценты от проката. Для вашего сценария более чем достаточно.

АЛИБАБАЕВ (*саркастично*): А если их «подрихтованный» финал провалится, что мне тогда достанется? Воздух в кармане?

АННА ГЕРМАНОВНА: Если всё так принципиально, то можем в контракт вписать «фикс» за оригинальный финал. Но тогда процент срежут наполовину.

АЛИБАБАЕВ: Согласен на первый вариант. И чтоб в титрах было написано «По пьесе Алибабаева» и не ниже третьей строки в титрах. А то знаю я этих «соавторов»...

АННА ГЕРМАНОВНА (вздыхает): Ладно, будем драться. Но, если идти на принцип, то потребуем бонус за фестивальные показы. Суммы скромные, но престиж гарантирован.

АЛИБАБАЕВ (усмехаясь): Вот теперь — в десятку. А то «Созвездия» вечно меня в подвал загоняют, а потом говорят: «Гениально, гениально!»

АННА ГЕРМАНОВНА (после паузы): Значит, договорились так: вам солидный аванс, проценты с кассы и бонусы за фестивали. Но... если откажетесь от прав на сценическую версию, то добавлю от себя ещё сотку.

АЛИБАБАЕВ (резко): От прав на сценическую версию не откажусь. Пьеса — моя, и точка.

Заканчивает разговор, разгорячённый.

АЛИБАБАЕВ: Говорят, концовка слишком мрачная! А жизнь, по-вашему, светлая?!

В кабинет вбегает Геннадий.

ГЕННАДИЙ (запыхавшись): Ибрахим! Ты не поверишь! Прима выздоровела! Гастроли состоятся!

АЛИБАБАЕВ: Вот это новость! А вчера говорила уходит на больничный.

ГЕННАДИЙ (с серьёзным лицом): Главное — не забывай про поздравление на 8 марта. Елена Альбертовна контролирует это самолично.

АЛИБАБАЕВ: Не волнуйтесь, Геннадий Максимович. Все сделаю в лучшем виде!

ГЕННАДИЙ: Тогда вперёд! У нас впереди много работы!

Геннадий выходит. Алибабаев поворачивается к зрителю с лёгкой улыбкой.

АЛИБАБАЕВ: Вот такая у нас жизнь в театре. Везде суета, везде проблемы... А настоящие драмы, возможно, только начинаются...

Свет медленно гаснет.

СЦЕНА 1.

ЯВЛЕНИЕ 1.1. ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С НАТАЛЬЕЙ. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Кабинет Алибабаева. Он сидит за компьютером, нервно поглядывая на включённую видеокамеру. Раздаётся сигнал видео звонка. (Видео звонок с Натальей должен отображаться на сцене.)

АЛИБАБАЕВ (с напускной бодростью): Это Наталья звонит. Моя жена. (нажимает кнопку приёма) Здравствуй, Наталья! Почему такой ранний звонок?

НАТАЛЬЯ (с лёгкой иронией): Решила поинтересоваться, как ты там без меня и детей? Что у тебя новенького?

АЛИБАБАЕВ (деловито): Сажу на рабочем месте... Тружусь в поте лица... читаю пьесы.

НАТАЛЬЯ (настойчиво): И что, успеваешь их все прочесть, вникнуть в каждую?

АЛИБАБАЕВ (раздражённо): Иногда успеваю, иногда — удаляю, даже не открывая. Пишут всякую ерунду, даже читать их писанину не интересно. Признаюсь так многие зав. литы поступают, которых я знаю.

НАТАЛЬЯ (не унимается): А авторам, по-моему, ты ещё должен объяснять, почему они получили отказ.

АЛИБАБАЕВ (с пафосом, вполоборота к «залу»): За 5 сезонов на этой должности — клянусь рампой! — ни строчки оправданий авторам! (делает небрежный жест) Мой кастинг текстов прост: либо в репертуар, либо в утиль. А с графоманами работаю по системе Станиславского (понижает голос, оглядываясь) «Не верю» — и пьеса летит в корзину. (трагически вздыхает) Как видишь, искусство требует жертв...

НАТАЛЬЯ (с подозрением): Ты там в кабинете один, как в тихой гавани, или в окружении бурного потока горной реки? Есть ли посторонние непрошенные гости, особы женского пола?

АЛИБАБАЕВ: ОДЫН, совсэм, оДЫН! Рядом никого нет. Я здесь, словно оазис в пустыне: вокруг жёлтый песок и сухой ветер.

НАТАЛЬЯ (с лёгкой игривостью): Точно нет? Или ты прячешь кого за жалюзи? Там покажи.

Наводит камеру на жалюзи.

АЛИБАБАЕВ (серьёзно): Честно тебе говорю, нет никого. Могу для тебя камеру на 360 градусов покрутить. (поворачивает камеру по сторонам)

НАТАЛЬЯ (с облегчением): Всё, вижу, что никого рядом нет. Успокоил меня.

АЛИБАБАЕВ (с шутливым тоном): У меня припасена бейсбольная бита - быстрый и действенный усмиритель дам. Как только замечу их «улыбки», сразу достаю её, и они сбегают, выкрикивая: Спасите! Теряем сознание от страха!

НАТАЛЬЯ (смеётся): Аплодирую твоей искренности! Знаешь, почему я поверила? Ты ответил так уверенно, что даже змея расплакалась бы от умиления. Змеи, кстати, вообще не умеют улыбаться, это доказано учёными. В общем, ты — мастер убеждения, а я обещаю больше не быть ревнивицей. Договорились? (с притворным спокойствием) Только скажи мне, что ты меня сильно-сильно любишь.

АЛИБАБАЕВ (с раздражением): Мать, ты чего? Сколько лет живём в браке, а ты кружишь и жужжишь, как пчела. Мешаешь рулить в шторм и, как якорь, тянешь ко дну. Ведёшь себя, как ребёнок! Извини, звонок по работе. Созвонимся позднее...

НАТАЛЬЯ (с обидой): Договорились. Пока, Ибрахимчик!

Связь прерывается. Алибабаев с облегчением выдыхает.

АЛИБАБАЕВ (в сторону): Фух, кажется, пронесло.

ЯВЛЕНИЕ 1.2. ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С ЖАННОЙ, АЛЕКСАНДРОЙ ПЕТРОВНОЙ

Раздаётся новый звонок. На экране появляется ЖАННА — молодая, ярко накрашенная женщина.

ЖАННА (игриво): Привет, пупсик! Как ты там без меня? Тебе не одиноко? Почему не звонишь своему мышонку?

АЛИБАБАЕВ (меняясь в лице): Я пару часов назад от тебя на работу ушёл... Вот сижу на рабочем месте... тружусь в поте лица... читаю пьесы.

ЖАННА (с игривой интонацией): Если бы знал, как я по тебе соскучилась!.. Вот и захотелось тебя увидеть.

АЛИБАБАЕВ: Так видишь меня. Мы с тобой по видео связи общаемся!.. И соскучиться навряд ли успела. Утром только расстались.

ЖАННА (с придыханием): Но я решила тебе кое-что показать.

Жанна демонстрирует маникюр.

ЖАННА: Посмотри на мои пальчики — коготки твоей кошечки. Они нравятся? Для тебя

старалась, мой Мурзик.

АЛИБАБАЕВ (*напряжённо*): Какова цена твоего подарочка?

ЖАННА: Смотри... Читай только справа налево. (*открывает цифры на листке бумаги*)
Один нолик, второй, третий, четвёртый... Последнюю циферку открыть?

АЛИБАБАЕВ (*сдавленно*): Суть понял. Могу возместить только половину этой суммы.
Недавно отправил жену с детьми к её родным... оплатил перелёт...

ЖАННА (*капризно*): Пупсик! Ты же обещал! Я хотела показать тебе ещё и педикюр!

АЛИБАБАЕВ (*сочиняя на ходу*): Рыбка моя, я целыми днями пьесы вычитываю, зрение садится. Работаю над инсценировками, раскидываю их театрам - от подвалов до больших.
Режиссёры не берут: то лифта нет, то денег. А если и берут, то в стол кладут, или редко показывают. Говорят: аншлагов нет.

ЖАННА (*капризно*): Ну, пупсик! Ты же мне обещал!?

АЛИБАБАЕВ: Представь, в родном городе от меня отмахиваются, как от назойливой мухи!
Хочешь для наглядности позвоню в иногородний театр? Ты услышишь, через какие тернии приходится пробиваться для заработка на подарки!

ЖАННА (*с интересом*): Давай, звони! Я послушаю.

Алибабаев набирает номер, его лицо напряжено. Жанна на экране следит за каждым его движением, её глаза блестят от любопытства.

АЛИБАБАЕВ (*в трубку*): Алло, это театр «Грёзы»? Здравствуйте, я бы хотел предложить вам одну мою инсценировку...

На заднем плане слышны шумы и гул из телефона.

ЖАННА (*с энтузиазмом*): Ого, вот это да! Настоящий бизнесмен в действии!

Алибабаев бросает на Жанну экране короткий взгляд, пытается совладать с волнением.

АЛИБАБАЕВ (*в трубку, увереннее*): Это действительно уникальная пьеса, которая может принести вашему театру успех и признание...

Жанна хихикает, явно довольная происходящим.

ЖАННА (*поддерживая*): Правильно, мурзик! Убеждай их, что это будет лучшая пьеса сезона!

ГОЛОС В ТРУБКЕ: Вы не туда попали...

Звучат короткие гудки.

АЛИБАБАЕВ (*нервно*): Видишь, как все сложно устроено?

Снова набирает номер.

АЛИБАБАЕВ: Добрый день, Александра Петровна!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (*в трубку*): Здравствуй, Ибрахим Салетович! У тебя, наверное, полдень, а у нас на Чукотке - вечер. Рабочий день закончился. Вижу: ты частенько в школе уроки географии пропускал.

АЛИБАБАЕВ: Извините меня, Александра Петровна, немного запутался с часами...

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА: Насчёт времени суток, проехали. В чём состоит твоя проблема, Ибрахим? Что побудило вспомнить меня? Дела совсем плохи?.. В театре?.. В

личной жизни?..

АЛИБАБАЕВ: Хочу вам предложить сказку, детскую.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА: О чём пьеса? Перескажи кратко содержание.

АЛИБАБАЕВ: Жительница северного народа живёт в юрте. Хочет спасти тяжелобольного сына. Обращается к духам, лечит его заговорами. В этой истории мистика, ритуальные танцы, действия происходят в кромешной темноте. В конечном итоге, сын выздоравливает. Лейтмотив — всё побеждающая любовь матери.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА *(с лёгкой иронией)* Это историческая сказка или события сегодняшнего дня?

АЛИБАБАЕВ *(с гордостью)* Сегодняшнего дня .

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА: Во-первых, коренные народы Севера живут не в юртах, а в чумах. Во-вторых, почему она не вызовет врача? Или фельдшера? Бригаду на вертолёт?

АЛИБАБАЕВ *(запинаясь)*: Я хотел показать... трудности жизни... в условиях полярной ночи...

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА: Вашу сказку я не возьму. Уж не обессудьте.

АЛИБАБАЕВ: У меня есть ещё пьеса для взрослых про головастика и свадебное платье!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА: Театр у нас кукольный, детский. До свидания.

Связь прерывается. Алибабаев бросает взгляд на Жанну. Она решает его подбодрить.

ЖАННА *(с хитрецей)*: Может быть, сегодня мне к тебе домой нагрянуть?

АЛИБАБАЕВ *(в панике)*: Боже упаси! Кругом старушки-агенты... Они следят за каждым моим шагом! Не делай этого! Мой дом - средоточие слухов.

ЖАННА *(смеясь)*: Хорошо, дорогой мой зайчонок! Тогда встретимся завтра? Я тебя очарую своей внешностью...

АЛИБАБАЕВ *(облегчённо)*: Конечно, ненаглядная моя.

ЖАННА : До встречи!

Алибабаев кивает головой в знак согласия.

АЛИБАБАЕВ *(с улыбкой)*: До завтра, Жанна!

Звучат гудки. Алибабаев внезапно замечает, что видеокамера светится красным огоньком.

АЛИБАБАЕВ *(про себя, с ужасом)*: Боже мой... Кто-то мог всё слышать...

Перед его глазами мелькает видение: Наталья смотрит на экран с торжествующей улыбкой.

НАТАЛЬЯ *(в его воображении)*: Ну что, дорогой, устроил себе маленький праздник? Посмотрим, как ты попляшешь под мою дудку теперь!

Видение исчезает. Алибабаев вздрагивает и трясёт головой, приходя в себя.

АЛИБАБАЕВ *(вытирая пот со лба)*: Так и с ума сойти недолго... Что за день такой? Куда ни повернись — везде проблемы...

ЯВЛЕНИЕ 1.3. АЛИБАБАЕВ И ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА. ИСТОРИЯ

АЛИБАБАЕВ *(зрителям, с юмором)*: Ну, отбился от этой любящей дочки. Кстати, на чём я остановился? Уже и не помню. За этими разговорами совсем нить потерял. Но продолжу, как считаю нужным, импровизирую, как говорится, по ходу пьесы.

Задумчиво почёсывает подбородок.

АЛИБАБАЕВ: Я несколько лет состоял в силовых структурах, образование профильное имею. Спросите, как я в театр завлитом попал? Отвечаю.

Театрально вытягивает руку, описывая извилистый путь судьбы.

АЛИБАБАЕВ: Лет 5 назад принёс свою пьеску в этот театр, благо жил рядом. Показал Эльмире Наримановне, тогдашнему завлиту. Она почитала, раскритиковала, и говорит: **ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА** (*строго, поправляя очки*): Молодой человек, молодой человек! Ваше творение, увы, не вписывается в наш репертуарный расклад. Не по ранжиру, понимаете ли... (*Разводит руками, изображая сожаление*) Хотя... (*Внезапно оживляясь, с намёком на интригу*): Попробуйте в Малую сцену — театр напротив — там иногда ставят... э-э-э... (*затем улыбается*) «экспериментальные вещицы». А вообще — пишите дальше! Вдруг что-нибудь... когда-нибудь... поставят...

Алибабаев скрещивает руки, возмущённо.

АЛИБАБАЕВ: Я разозлился и чуть не сказал, как мой дед говорил в Гражданскую: «Что ты делаешь, контра!? Талант на корню губишь! Будь моя воля, я бы ... поставил к стенке... и шлёпнул бы из именного нагана...» Спасибо, мозгов хватило сдержаться.

Подмигивает зрителям.

АЛИБАБАЕВ: Меня понять можно. Я законно возмутился: с какой стати бракуют произведение? Это сочинение медалистки, моей школьной подруги Светланы! Она за него «отлично» получила! А я инсценировку написал. А вы, Эльмира Наримановна, говорите, что оно не подходит по критериям.

Имитирует голос Эльмиры Наримановны, слегка передразнивая её.

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА: Молодой человек! (*Драматично прикладывает руку к груди*) Режьте меня на монологи, отправляйте на галёрку - но моё отношение к вашей инсценировке неизменно! (*Переходит на шёпот.*)

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА: Между ваших строк — pardon — так и пляшет... (*подбирает слово*) эта... точнее, сквозит «госпожа Надменность»!

Внезапно высокими нотами, как прима в третьем акте трагедии.

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА: Да-да, возможно, я в аффекте что-то лишнее ляпнула... (*Машет рукой*): Но суть-то не в этом!

Резкий поворот спиной — классический уход со сцены. Оборачивается в дверях.

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА: А вообще — пишите ещё. Только... (*многозначительный взгляд*) ...без этих ваших «междустрочных пассажей», договорились?

Алибабаев закатывает глаза и театрально вздыхает.

АЛИБАБАЕВ: Тогда я достал своё удостоверение, предъявил его руководству театра.

Драматичная пауза.

АЛИБАБАЕВ: После этого меня взяли на должность завлита вместо уволенной сотрудницы! Естественно, так я перешёл на эту должность!

Довольно улыбается.

АЛИБАБАЕВ: Ну что тут скажешь! Работа хоть и не фонтан, но Судьбы пьес вершишь, как Зевс на Олимпе! (*Играет пальцами, типа туда-сюда*) В корзину! На подмости! А авторы так и лебезят, в глаза заглядывают...

Спыхватывается, смотрит на часы-луковицу.

АЛИБАБАЕВ: Ах да! Совсем забыл — у меня же свидание... тьфу, запутался совсем, назначена творческая встреча с начинающим драматургом!

Подходит к двери, открывает с важностью.

АЛИБАБАЕВ (*кричит в дверь*): Верочка, заходите, родная! Несите своё детище — сейчас мы его вместе обсудим!

Алибабаев с наигранной улыбкой приглашает ее войти.

ЯВЛЕНИЕ 1.4. РАЗБОР ПЬЕСЫ С ВЕРОЙ

На пороге появляется Вера, молодая девушка с папкой, смущённая и напряжённая.

ВЕРА (*нерешительно*): Здравствуйте...

АЛИБАБАЕВ (*с шутливой уверенностью*): Добро пожаловать, Вера! Приступаем к нашему творческому диалогу. Не волнуйтесь, разноса не будет.

Доволен собой. Вера остаётся напряжённой.

ВЕРА: Спасибо вам, Ибрахим Салетович. Я очень рада оказаться здесь...

Алибабаев указывает на стул. Вера раскладывает листы пьесы.. Драматург Вера и завлит Алибабаев разбирают пьесу. Она — молодая, восторженная, он — с профессиональной усталостью.

ВЕРА (*с задором*): Спасибо вам, что согласились уделить мне время!.. Итак, моя пьеса «Тайна и откровение» — это то, что вы искали для репертуара театра. В ней глубокий подтекст и сочные персонажи. К тому же она автобиографичная!

АЛИБАБАЕВ (*театрально вздыхая, поглаживая рукопись*): Ваше творение я, в отличие от графоманского «самиздата» других авторов, проглотил от заголовка до последней ремарки. (*делает многозначительную паузу*) И знаете что?

Внезапно вскакивает, начинает кружить по кабинету как режиссёр в творческом поиске.

АЛИБАБАЕВ: Во мне теперь живёт странное чувство... Будто съел реквизитный грибок из бутафорского цеха! То ли восторг ощущаю, то ли... (*останавливается, пронзительно смотрит на Веру*) ... сомнения грызут меня, как голодные мыши старый сыр!.. Не поймите меня превратно, в пьесе присутствуют яркие проблески! Но хватит ли их для «полного

зала»? Вот в чём вопрос!

ВЕРА: Какие могут быть сомнения? Я же корпела над ней день и ночь целый год. Трудилась, как на генеральной репетиции!

АЛИБАБАЕВ (*безапелляционно*): Говорю как завлит на «разборе полётов». (*стучит по рукописи*) Сюжет у вас танцует, как статист после корпоратива: уходит то влево, то вправо. Публика запутается похлеще, чем в третьем акте Ионеско!

АЛИБАБАЕВ: Здесь монолог провисает как старый занавес, а в сцене в кафе еле дышит, как суфлёр с лакунарной ангиной...

ВЕРА (*с жаром*): Но она в таком виде пьеса отражает современность! Жизнь не идёт линейно, в ней возможны неожиданные повороты...

АЛИБАБАЕВ: Зачем зрителю блуждать между явлениями, плутая по ним, как в лабиринте? У нас в репертуаре одни «головоломки»! (*примирительно*) Понимаю вашу авторскую задумку, но зрителю нужно всё понимать без программки с аннотацией.

ВЕРА: Но именно в этом и заключается её исключительность.

АЛИБАБАЕВ: Я не против такой трактовки. Однако театр помимо всего - это ещё и «касса». Ему приходится постоянно балансировать между «искусством ради искусства» и «ожиданиями публики».

ВЕРА (*перебивая*): Как я вас поняла, вы сознательно выбираете «зрелищность»?

АЛИБАБАЕВ (*задумчиво*): Вера, ваш талант пока виден точно так же, как прожектор в тумане - светит недостаточно ярко. Может, если переработаете третий акт... Загляните на наш сайт — там возьмите для примера мои пьесы, от которых даже капельдинеры плачут.

ВЕРА (*с возмущением*): Для меня преклонение перед вашими догмами, равносильно отказу от искусства вообще.

АЛИБАБАЕВ (*с улыбкой*): Я и не предлагал вам бить поклоны моим догмам.

ВЕРА (*показывая листы*): В пьесе не просто текст! Это моя душа, изложенная на бумаге, где каждая реплика выстрадана!

АЛИБАБАЕВ: Я понимаю вас как никто. Но театр — живой организм. Даже у Шекспира в его произведениях правила монологи!

ВЕРА: Значит, отказываете?

АЛИБАБАЕВ (*разводя руками*): Не готов дать «зелёный свет». Боюсь зритель не «распробует» вашу пьесу.

ВЕРА: Иногда риск — единственный путь к аншлагу! Чехова тоже не сразу поняли!

Возникает пауза. Вера собирает свои бумаги. Стационарный телефон звонит с настойчивостью сигнала «Антракт окончен». Алибабаев хватается трубку, как спасительный круг.

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*голос в трубке*): Ибрагим, здравствуй!

АЛИБАБАЕВ (*в трубку, с усталостью актёра после пятого спектакля в неделю*): Аллё! Да-да, Алексей Эдуардович, я на проводе... (*перебирает бумаги на столе*) Ах да, «В тисках у монстра»... (*вздыхает*)

Пауза. Где-то в театральных коридорах хлопает дверь.

АЛИБАБАЕВ: Представляете, у меня тут архив пьес, как после фестиваля — завал! Ваш шедевр, возможно, в «резервном фонде» затерялся между Чеховым и Беккетом...

Внезапно оживляется, будто получил реплику от суфлёра.

АЛИБАБАЕВ: Ах да, сегодня же день, когда мною назначена встреча! Ну, раз вы уже в вестибюле, я дам отмашку службе охраны. Главное — при входе скажите «Мне к завлиту». Только имейте в виду: мы «Гамлета» ставим, репа плотная, нужно попытаться вложиться в

один перекур! Пятнадцать минут на всё про всё хватит...

Кладёт трубку телефона.

АЛИБАБАЕВ (*шёпотом, в зрительный зал*): Опять эти «служители пера»... От них больше шума, чем от массовки на сцене в битве на Куликовском поле!

За сценой — приближающиеся шаги и тяжкий вздох Алибабаева.

АЛИБАБАЕВ: Пройдите в библиотеку, юное дарование! Читайте, впитывайте, учитесь строить действие! Через год жду новый текст — возможно, он пойдёт в работу!

ВЕРА (*сдержанно, с достоинством и со слезами на глазах*): Благодарю за честный «разбор полётов», Ибрахим Салетович. Возможно, к следующему «прогону» я принесу вам что-то более... традиционное.

Вера уходит. Алибабаев провожает её взглядом.

АЛИБАБАЕВ (*задумчиво*): Странное амплуа у этой девушки... И что-то в ней неуловимо знакомое, будто я уже видел эту героиню.

ЯВЛЕНИЕ 1.5. У ЗЕРКАЛА И ИЗВЕСТНЫЙ ДРАМАТУРГ

Мягкий свет. Алибабаев подходит к зеркалу, поправляет галстук. Его движения резкие, нервные.

АЛИБАБАЕВ (*своему отражению*): Ну что, герой? Опять в поисках вдохновения? А выходит — как всегда: «ожидание не равно реальности».

Стук в дверь. Алибабаев вздрагивает.

АЛИБАБАЕВ: Мой путь — от несостоявшегося классика до завлита с кредитами. (*смотрит на часы.*) А теперь ещё и Жанна со своими коготками... Рассчитывал с ней на лёгкий водевиль, а получил драму «Три сестры» с элементами трагифарса!

Стук повторяется, более настойчивый.

АЛИБАБАЕВ (*выпрямляясь, решительно*): Открываю! (Про себя) Пора узнать, какой акт приготовила мне судьба.

Идёт к двери, открывает. В кабинет входит АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ — с папкой под мышкой.

АЛИБАБАЕВ (*меняя тон на преувеличенно радостный*): Алексей Эдуардович! Как я рад вас видеть! Вашу пьесу «В тисках у монстра» я, конечно же, прочёл от корки до корки.

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*с надеждой*): Ибрахим, что тебя конкретно в ней зацепило?

АЛИБАБАЕВ (*осторожно*): Видите ли... (*перелистывает страницы*) Вот эта сцена во втором акте, где герой двадцать минут обсуждает с коллегами проблему банкротства банка... Это мощно, но...

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*перебивая*): Что НО...? Это же кульминация всей пьесы.

АЛИБАБАЕВ (*дипломатично*): Представьте зрителя на галёрке после тяжёлого рабочего дня. Мы же не в Немецком театре ставим пьесу.

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*с напором*): В итальянской комедии говорят: «Смеяться и

плакать — одно и то же». В обоих случаях — слезы в глазах. А я хочу, чтобы они были у зрителей.

АЛИБАБАЕВ (*с внезапным энтузиазмом*): Понял вас. Поэтому предлагаю сократить диалог вдвое и одновременно добавить световое решение. Как вам такое моё предложение?

Представьте — герой в луче прожектора, а вокруг...

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*подхватывая*): ...кромешная тьма, и только его тень на стене! Чёрт возьми, Ибрахим, ты гений!

АЛИБАБАЕВ (*довольный реакцией*): И насчёт персонажа Марии... Она у вас пока что...

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*кивая*): Картонная? (*задумчиво*) Может, сделать её дочерью того самого монстра?

АЛИБАБАЕВ (*смотрит на часы*): Вот! Это будет прекрасно! Тогда продолжим обсуждение через неделю? Позвольте вашим мыслям обрести глубину в тишине, где время становится союзником мудрости, а ожидание - ритуалом прозрения.

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ (*вставая*): Конечно! Давай тогда обменяемся контактами. У меня кроме твоего городского номера другого нет.

Обмениваются телефонами. Драматург набирает номер. Раздаётся звонок. Драматург собирается уходить.

АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ: До скорого, Ибрахим! Это будет лучшая моя пьеса!

Дверь закрывается. Алибабаев молниеносно блокирует номер драматурга на телефоне.

АЛИБАБАЕВ (*тихо*): Больше он ко мне не дозвонится. Сложно работать с авторами... их пьесы замечательные, но приходится отказывать. Конкуренты...

Телефонный звонок обрывает его мысли.

АЛИБАБАЕВ (*фальшиво-радостно*): Алло! Кто звонит? А, это вы, Алексей Эдуардович? Алло? Вас не слышно... проблемы со связью...

ЯВЛЕНИЕ 1.6. НОВАЯ ПЬЕСА «КОГДА ОН МЕНЯ МОЛОЖЕ».

Алибабаев читает пьесу «Когда он меня моложе». Город шумит, но он сосредоточен. Его лицо отражает эмоции.

Останавливается на сцене, где Раиса и Сергей обсуждают разницу в возрасте. Чувствует напряжение, словно сам там. На сцену выходят молодые мужчина и женщина. Они садятся перед Алибабаевым за столик.

«СЕРГЕЙ: Привет! Прости, в студии время потерял.

РАИСА: Ничего. Как песня?

СЕРГЕЙ: Чудесно! Куплет покажу, но сначала заказать чашечку кофе?

РАИСА: Ты знаешь, как меня расслабить.

СЕРГЕЙ: Ты много работаешь, Раиса. Надо отвлекаться, иначе вдохновение пропадёт.

РАИСА: Знаю, но время не ждёт. Годы бегут... Берут своё...

СЕРГЕЙ: А наше время? Приоритеты расставлять не надо?

РАИСА: Ты о чём?

СЕРГЕЙ: О нас. Разница в десяток лет. Ты переживаешь.»

АЛИБАБАЕВ (*вслух, задумчиво*): Боль - быть старше! Радость - быть молодым! А если любовь вне возраста? Без условий и правил?

Глокает остывший кофе, не отрываясь от мыслей. Продолжает чтение.

«РАИСА: Да... иногда это беспокоит.

СЕРГЕЙ: Но наши отношения возрасту не подчиняются! Я тобой восхищаюсь, а ты во мне видишь то, чего нет у других.»

АЛИБАБАЕВ (*про себя*): Десять лет... Много и мало. Она боится его потерять, он - её. Мир по-своему видят, но сердца бьются в унисон. Как так? Как они любят друг друга, несмотря на всё?

Возвращается к тексту, голос чуть громче.

«РАИСА: Мне нравится с тобой, но я не могу быть беззаботной, как ты.

СЕРГЕЙ: Не хочешь чувствовать себя старше? Ты полна жизни! Энергии!

РАИСА: Ты умеешь подбодрить. Но люди будут обсуждать нас, и это мучает.

СЕРГЕЙ: Мне всё равно, кто что думает! Важны только наши чувства!»

Алибабаев закрывает глаза, вздыхает.

АЛИБАБАЕВ: Мнение других? Почему мы боимся чужих взглядов? Любовь должна быть выше этого? Свободной и безграничной?

Открывает глаза, читает с ещё большей интенсивностью.

«СЕРГЕЙ: Какая разница, что думают другие? Важны только наши чувства!

Останавливается, удивлённо и с пониманием. Продолжает:

РАИСА: Это и правда так... но...

СЕРГЕЙ: Никаких «но». Когда я с тобой...

РАИСА: Взрослый? Ты молодой, твоя жизнь начинается! С тобой хорошо и плохо. Когда мы вместе - счастье. Когда остаюсь одна для меня гаснет свет. Одиночество приносит боль.

СЕРГЕЙ: Ты меня многому научила. Ты - моё вдохновение, любовь... Ты открываешь мне мир, который я не знал.

РАИСА: Это мило. Я боюсь тебя потерять...

Алибабаев читает вслух выбранную цитату:

РАИСА: Ты умеешь подбодрить. Но мысль о том, что люди будут обсуждать нас, мучает меня больше всего.»

АЛИБАБАЕВ (*С грустной улыбкой, вздыхая*): Детский лепет молодого мужчины и зрелой женщины. Всплакнуть захотелось... Не вошла... Эх, мне бы их проблемы!

Откладывает пьесу в сторону, смотрит в пространство, где Сергей и Раиса уходят со сцены.

АЛИБАБАЕВ: Может, отношения, вопреки нормам, и есть настоящие, дающие истинное счастье вне возраста и чужого мнения? Хотя... я Жанне про сплетни сам сегодня говорил...

Берёт чашку с остывшим кофе и делает последний глоток.

ЯВЛЕНИЕ 1.7. ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР СО СВЕТЛАННОЙ

Кабинет Алибабаева. Он один, сидит за столом, перебирает пустые кошельки. Лицо напряжённое, взгляд блуждает по сторонам.

АЛИБАБАЕВ (вздыхает): Всё слито в ноль... Жена укатила с деньгами, даже закладки вычистила. Хотел с Жанной красиво вечер провести... А я, как юнец у входа в метро! Карты пусты, кредитки заблокированы.

Неожиданно озаряется.

АЛИБАБАЕВ: Позвоню-ка Светлане, школьной отличнице. Она дала мне своё сочинение, а я пообещал спектакль поставить по нему и не поставил. У неё муж - режиссёр. Может, он мои инсценировки возьмёт в работу? Была - не была. Набираю.

Набирает на сотовом телефоне. Ждёт.

АЛИБАБАЕВ: Сейчас досчитаю до 5... Она должна обязательно ответить.

Слышен женский голос.

АЛИБАБАЕВ: Алло, Светлана! Привет! Это я, Ибрахим Алибабаев. Помнишь, мы в школе с тобой на соседних партах сидели? Ты ещё тогда нравилась Сашке Селезнёву, он ещё за тобой ухлёстывал. И ты с ним ходила возле школы под ручку. А я постоянно за тобой наблюдал издали и смотрел с завистью вслед.

СВЕТЛАНА: Здравствуй, Ибрахим! Я сильно удивлена твоему звонку и тому, что ты проявлял ко мне интерес в школьные годы... Мы давно не виделись. Я знаю, что ты уже давно женат, возможно, у тебя есть дети, и ты совсем забыл обо мне. Почему ты вдруг вспомнил обо мне спустя столько лет?

АЛИБАБАЕВ (елейным голосом): Захотелось увидеть твои лучезарные глазки и какой ты стала. Предполагаю, что ты всё такая же красивая и интересная. Мечтаю встретиться, чтобы рассказать о своей жизни и услышать твои истории.

СВЕТЛАНА (с иронией): Перестань, Ибрахим. Школа давно в прошлом. Смех на переменах давно стал далёким эхом в горах. Жизнь развела нас по разным дорогам. *(пауза, задумчиво)* У каждого свои заботы и проблемы.

АЛИБАБАЕВ (Не унимается): Дни бегут, как репетиции перед премьерой: один за другим, без передышки. Я блуждаю по бескрайним просторам мыслей, стараясь найти опору и чёткость в водовороте неопределённости. Вот и решил заглянуть в своё прошлое.

СВЕТЛАНА: Ибрахимчик, что тревожит твоё сердце? Хочешь вернуть дни, когда дружба и беззаботность были всем? Или нужна помощь в этом взрослом мире, где столько неожиданностей? Скажи, напрямик, чем я могу быть тебе полезной?

АЛИБАБАЕВ (приземленно): Я слышал, что у тебя муж работает в театре, главным режиссёром... Это правда?

СВЕТЛАНА: Правда. Можешь в этом сам убедиться. Зайди на сайт театра, там увидишь его фамилию.

АЛИБАБАЕВ: Отлично! Слушай, тут такое дело — не мог бы твой супруг пропихнуть мою инсценировку в афишу? Я классику перелопатил, текст сказка — зрители с кресел попадают! Моя карма пуст, как зал на экспериментальной постановке, сборы нужны позарез!

СВЕТЛАНА: Ибрахим, Ибрахим! Ты каким был, таким и остался! И когда же ты начнёшь писать пьесы, а не инсценировки? А насчёт театра, помочь не смогу. Есть на то веская причина. Я с Александром в разводе 10 лет. Он живёт своей жизнью, я - своей. Кстати, хочу тебя спросить: как к тебе обращаются по имени-отчеству?

АЛИБАБАЕВ: Ибрахим Салетович. При отце Сарете - Са-ле-то-вич. Прикол у меня с

отчеством: то Салатовичем обзовут, то Салютровичем люди называют. Прямо антракт какой-то в голове у них!

СВЕТЛАНА: Да, отчество у тебя правда уникальное. Может стоит его поменять на другое, например, на Санетович? А что, тоже вариант!

АЛИБАБАЕВ: Санетович - звучит действительно, как приличный артистический псевдоним, креативно и со вкусом.

СВЕТЛАНА: ... и созвучно к слову сонет - стихотворной форме произведений, которую использовали Александр Сергеевич Пушкин и Уильям Шекспир.

АЛИБАБАЕВ: Тебе бы посмеяться надо мной, а мне сейчас, поверь, не до смеха. Ну что ж, раз мы не смогли прийти к соглашению, давай закончим разговор и, как говорили в детстве, расходимся по домам?

СВЕТЛАНА: Почему закончим разговор? У меня остался вопрос. Ты со мной общаешься, как мужчина, или, как бывший одноклассник, так и не поставивший пьесу по моему сочинению? Ответь мне. О чём мне думать?

АЛИБАБАЕВ: Если честно сказать, я и сам не знаю какие планы имею в отношении тебя. Но скажи по правде, спустя 25 лет отношение к тебе не изменилось.

Раздаётся звонок стационарного телефона.

АЛИБАБАЕВ: Извини, Светлана! Звонок из приёмной. Обязан на него ответить. *(берет трубку офисного телефона.)* Да, слушаю вас! Что? Новый проект?.. Да, конечно, сейчас буду! *(кладёт трубку по ошибке и смотрит на мобильный)* Ну вот, и разговор не удалось нормально завершить. Светлана, Светлана... кто бы мог подумать, что ты окажешься такой реалисткой.

Задумчиво смотрит в окно.

АЛИБАБАЕВ: Может, и правда, стоит попробовать написать что-то своё? Хотя... лучше сначала разобраться с текущими делами. А там, глядишь, и пьесы новые появятся...

Подходит к компьютеру и начинает набирать текст, но через минуту останавливается.

АЛИБАБАЕВ: Или, может, пойти в бар и выпить? В конце концов, сегодня явно не день для новых начинаний...

Снова берет телефон и набирает номер. Диктует на автоответчик.

АЛИБАБАЕВ: Жанна? Привет, это я. Как насчёт вечернего свидания? За мой счёт, конечно... хотя... эээ... может, и не получится сегодня...

ЯВЛЕНИЕ 1.8. ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С ДИРЕКТОРОМ ТЕАТРА

Раздаётся звонок на стационарного телефона. Алибабаев вздрагивает, медленно берет трубку.

ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ *(тихо):* Это приёмная. Соединяю вас с Иваном Ивановичем.

АЛИБАБАЕВ *(нервно постукивая карандашом):* Алло? Здравствуйте, Иван Иванович! Я вас слушаю.

ДИРЕКТОР *(тон как у режиссёра после провальной премьеры):* Здравствуйте, Ибрахим Салетович! Александра Петровна мне сейчас в телефонном звонке все уши прожужжала про ваши опусы. Детская сказка для кукол — ещё куда ни шло, но сюжет... Будто первокурсник театрального накатал после бессонной ночи!

АЛИБАБАЕВ (*пытаясь войти в роль уверенного драматурга*): Позвольте всё вам объяснить, Иван Иванович...

ДИРЕКТОР (*перебивая, как на разборе полётов*): Нашпиговали её мистикой, будто Гофман в «Золотом горшке»! И в добавок — взрослому пьесу в детский театр предложил! Это всё равно что в ТЮЗе «Калигулу» ставить!

АЛИБАБАЕВ (*голос дрожит, как у актёра, забывшего текст*): Простите меня! Ошибся номером. Хотел позвонить во Владивосток, а попал к ней. Цифирку одну не ту набрал...

ДИРЕКТОР: Индюк тоже думал, метил в павлины, да в бульон угодил. Что там за персонажи в вашей «взрослой» пьесе?

АЛИБАБАЕВ: Головастик... свадебное платье... военные... пуля в голове...

ДИРЕКТОР (*как после третьего акта абсурдистской драмы*): Что за мешанина? Это пьеса или записи в истории болезни из травматологии?

АЛИБАБАЕВ (*цепляясь за последнюю реплику*): Военная тематика... Патриотизм... Молодёжь... Иван Иванович...

ДИРЕКТОР: На такой драматургии мартышек дрессировать не получится! Занавес!

Короткие гудки. Алибабаев застывает с трубкой в руке, как статист в массовке.

АЛИБАБАЕВ (*в пустоту кабинета*): Вот и все. Провалился сквозь сцену, даже без аплодисментов.

Смотрит на видеокамеру как на единственного зрителя.

АЛИБАБАЕВ: Все труды — псу под хвост! Предстоящий «бенефис» — коту под хвост! Куда теперь уходить? В капельдинеры? Бутафоры? Кто примет меня и куда, с волчьим билетом?

Включает компьютер, где светятся названия его пьес.

АЛИБАБАЕВ (*с внезапной решимостью*): Нет! Не уйду из театра! Пусть хоть весь зал освищет — я продолжу свой монолог! Рано или поздно, после драмы идёт комедия!

Хватает телефон, словно это последний шанс.

АЛИБАБАЕВ: Приёмная! Здравствуйте, это Ибрахим Салетович. Соедините с Иван Ивановичем. У меня есть новый достойный материал. Гарантирую: будут аншлаги, цветы и критики в экстазе!

ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ: Иван Иванович занят, разговаривает по другому телефону. Я вас с ним соединю, когда он освободится.

ЯВЛЕНИЕ 1.9. ЕЛЕНА И АЛИБАБАЕВ. О СИТУАЦИИ В ТЕАТРЕ

Дверь распахивается, входит Елена с папкой.

ЕЛЕНА (*нараспев*): Ибрахим, я как зам по репертуару пришла! Отчёт по кассам - антреприза в минусе, выезд в Урюпинск - вообще швах.

АЛИБАБАЕВ (*бурчит, не отрываясь от монитора*): На стол клади. Если опять кассовый разрыв образовался, то пусть бухгалтерия ищет причину.

Резкий звонок. Алибабаев кивает: «Мол, бери!»

ЕЛЕНА (*снимает трубку, морщится*): Да-да, театр «Ребус» на проводе... Нет, билеты не бронируем — касса слева от гардероба! Какой «Гамлет с жирафами»?! Это не афиша, а Алибабаев такое придумал!

Швыряет трубку.

ЕЛЕНА: Ибрахим, ну сколько можно?! Опять будем отбиваться от зрителей, которых ты своими новаторскими выкрутасами запутал?

АЛИБАБАЕВ: Да ты что! Это нечто! Представляешь, Шекспир в новом прочтении, где жираф — символ одиночества Гамлета! Публика поплывёт!

ЕЛЕНА (*закатывает глаза*): Пока мы не плывём, а тонем. Для сведения местный «Росгосстрах», перед которым я стояла на коленях, чтобы они взяли билеты, все 250 — назад скинул. Сказали: лучше в ресторане праздник отметим, чем смотреть экспериментальные спектакли от Алибабаева.

Алибабаев вскакивает, хватая бутфорский череп со стола.

Пауза. Алибабаев тяжело опускается в кресло. За сценой крики: «Где деньги за декорации?!»

ЯВЛЕНИЕ 1.10 БЕНЕФИС ПАРАНОЙИ

Входит Геннадий, лицо - как у Короля Лиры после третьего акта.

ГЕННАДИЙ (*хрипло*): Ибрахим, обращаюсь к тебе. У нас начался театральный бунт на корабле: драматургический цех «коллективку» на тебя накалал: требует прекратить издевательства над отечественной и зарубежной классической драматургией.

Швыряет пачку бумаг.

ГЕННАДИЙ: БДТ прислал намёк директору: «Алибабаев компрометирует профессию».

АЛИБАБАЕВ (*истерично хохочет*): Зависть была и останется их уделом. Мой успех - сладкая для меня награда. Вот и «Культура» клокочет: «Алибабаев — провокатор от искусства»!

ЕЛЕНА (*перехватывает газету*): Это не похвала тебе, а «некролог» авангарду. Автор пишет: «Классическая эпоха умерла вместе с провокационным творчеством Алибабаева».

Тишина. Алибабаев бледнеет.

ГЕННАДИЙ: Решай: либо ты возвращаешься к полноценной, органичной работе с настоящей классикой, либо уходим всем коллективом в массовку на Таганку.

АЛИБАБАЕВ: Хорошо, пойду навстречу вашим пожеланиям. Только требую в программке чёткого упоминания: «Режиссёрское видение - и подпись Алибабаев».

ЕЛЕНА (*целится в него степлером*): Напишем, но мелким шрифтом. В разделе «Благодарности» — чтобы не смущать зрителя.

Геннадий и Елена собираются уйти, но их останавливает Алибабаев.

ЯВЛЕНИЕ 1.11. В ЛУЧАХ СЛАВЫ, ИНТЕРВЬЮ НА ЭКРАНЕ. ФАРС

Алибабаев за столом, перед ним старый компьютер. На экране мигает: «Пожалуйста, подождите...».

АЛИБАБАЕВ (*самодовольно*): Сейчас посмотрим, как это интервью выглядит. Может, на центральном ТВ канале покажут! Будет повод чем гордиться!

Щёлкает мышкой - ничего. Нажимает, стучит по клавиатуре.

АЛИБАБАЕВ (*ворча*): Что за ерунда? Просыпайся, железный друг!

На экране сообщение: «Ошибка». Алибабаев хмурится и снова стучит по клавишам.

АЛИБАБАЕВ (*гневно*): Какая какая может быть ошибка? Я не в интернет зашёл, а обычный видеофайл с моим интервью открыть не могу... Что за бред?! В конце концов, я не в «Киберпанк» собрался играть.

ЕЛЕНА: Не переживай, Ибрахим! Мы знаем, что ты гений.

АЛИБАБАЕВ (*с надеждой*): Правда?

ЕЛЕНА (*иронично*): Конечно!

Алибабаев, смущённый, но уверенный, направляется к выходу.

АЛИБАБАЕВ (*уверенно*): Тогда вперёд! Пусть мир узнает о моём великом таланте!

Неожиданно появляется изображение и звук. Смотрят видео. На экране - местный телеканал «Культпросвет». На сцену выходит молодой корреспондент Максим, в пиджаке, как у Довлатова.

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ (*закадровый голос*): ...и вот он, человек, перевернувший театр! Спектакль для детей «Кот в сапогах» собрал аншлаги... в соседнем цирке по этой причине в тот день не продали ни одного билета!

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ: Ибрахим, твой спектакль с котом стал открытием и откровением. Как ты добился такого грандиозного успеха?

АЛИБАБАЕВ (*на экране*): Всё дело во внезапном озарении, ярких идеях, которые возникают из ниоткуда. Сюжеты всегда передо мной. Вот, например, животные появились не случайно. Вдохновение пришло ночью, после прочтения детям стихотворений вместо сказки.

С театральной пафосностью читает стихи про пони и жирафов.

Юнна Мориц:

*Пони девочек катает,
Пони мальчиков катает,
Пони бегаёт по кругу
И в уме круги считает.*

А жирафы возникли из стихотворения Эдуарда Успенского. Напоминаю из него два четверостишия.

*Однажды, однажды,
Однажды, однажды
Гуляли жирафы
По улице важно.*

*Гуляли жирафы
С большою корзиной
И обходили
Все магазины...*

ЕЛЕНА (*смотрит видео, шепчет Геннадью*): Боже, он реально это выдал в эфир?!

Корреспондент на экране чихает, перебивая её. Елена вздрагивает.

ГЕННАДИЙ: Будь здоров! (*Корреспонденту*)

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ (*На экране, продолжает задавать вопросы*): Простите. Простуда. Так вот, не скрывается ли за образами животных в твоей пьесе нечто большее? Можно ли считать их живыми метафорами, которые готовят зрителя к театральному откровению?

АЛИБАБАЕВ: Они и есть живые метафоры, выстраданные в борьбе с канонами и служат режиссёрскими подсказками: кот в сапогах шагает по грани между цирком и трагедией, жирафы тянутся к истине, словно актёры к рампе. Но это не зверинец, а аллегория человеческой трагикомедии. Когда зритель видит пони, он думает: «Ах, мило!» А потом понимает: это метафора заикленности на иллюзиях. Каждый персонаж — это зеркало для зрителя. В своей работе руководствуюсь принципом: форма разрушает привычное, чтобы обнажить суть.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Но разве это не перегружает смысл пьесы?

АЛИБАБАЕВ: Перегружает? Нет! Это творческая алхимия: берёшь кота, добавляешь сапоги, перемешиваешь с человеческим тщеславием — и вот тебе откровение! После такого спектакля зритель выходит не с ответами, а с вопросами. А разве не в этом заключается главная цель искусства?

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ: Ибрахим! Бог касается Человека через доброту, любовь, чувство юмора. Об этом говорил Михаил Задорнов...

АЛИБАБАЕВ: С Задорновым лично знаком не был, но цитата хорошая. Беру в свой арсенал. В театре без самоиронии нет ни катарсиса, ни успеха.

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ (*серьёзно*): Что если следующий ваш спектакль окажется провалом?.. Твои действия?

АЛИБАБАЕВ: Под поезд не брошусь. Покину театр... Уйду в монастырь... Но вообще, Максим, расслабься, мне подобная участь не грозит: я сейчас нахожусь на волне успеха!

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ: Ибрахим, спасибо за откровенность и время уделённое мне.

АЛИБАБАЕВ: До новых встреч в эфире, Максим!

На экране Ибрахим прощается. За спиной падает декорация с надписью ТВ канала. Алибабаев глазами показывает Геннадью и Елене: «Какой я великий!»

ГЕННАДИЙ: Знаешь, Ибрахим... Может, вернёмся к классике без четвероногих?

ЕЛЕНА: И без зеркал.

На авансцене — короткое эхом: Пони... жирафы... по кругу... Собираются уйти. Алибабаев их останавливает.

ЯВЛЕНИЕ 1.12. АЛИБАБАЕВ С КОЛЛЕГАМИ ОБСУЖДАЮТ ПЬЕСУ «УТРО В ЭЛЕКТРИЧКЕ»

Алибабаев садится за стол, читает пьесу. Предлагает Геннадью и Елене присоединиться к

нему.

ГЕННАДИЙ (с любопытством): Что там вычитываешь? С таким интересом...

АЛИБАБАЕВ (не отрываясь от текста, смеётся): Пьеса. «Утро в электричке». Забавно накропали.

ЕЛЕНА (подходя ближе): Дай-ка гляну. Что там такого смешного?

Алибабаев передаёт ей пьесу. Елена начинает читать вслух, стараясь изображать голоса.

ЕЛЕНА (читает): «Салон вагона пригородной электрички. Сидят несколько женщин разного возраста...»

ГЕННАДИЙ (перебивает): Стой, стой! Я тоже хочу! Давайте устроим **читку по ролям**.

Алибабаев и Елена переглядываются и соглашаются.

ГЕННАДИЙ: Распределяю роли: Алибабаев - молодой человек и муж Люси, я - пожилая дама в электричке и соседка по даче, а Елена - молодая женщина Люся.

Начинается импровизация. Алибабаев в центре кабинета, изображает молодого человека.

АЛИБАБАЕВ (в роли молодого человека, вежливо): «Могу я к вам подсесть? Я вам мешать не буду».

ГЕННАДИЙ (в роли пожилой женщины, с сарказмом): «Самое главное, чтобы мы тебе не мешали».

Геннадий делает паузу. Все смеются.

ЕЛЕНА (в роли Люси, продолжает): «Забралась, значит, я на крышу позагорать. Лежу в купальнике. Кости грею. Никому не мешаю. Чувствую себя в полной безопасности...»

Геннадий внезапно прерывает её.

ГЕННАДИЙ (серьёзно): Подожди, Елена! Ты сказала «на крыше»? Как ты туда вообще забралась? Это же травмоопасно!

ЕЛЕНА: Это не важно. Главное, что я там по тексту лежала. Продолжаем читку. (В роли Люси, с улыбкой): «Но потом решила спуститься в летний душ... Я чуть припеклась и спустилась в душ. Стою моюсь... и слышу, что меня зовёт кто-то».

ГЕННАДИЙ (в роли соседки): «— Люся, Люся!»

ЕЛЕНА (в роли Люси): «Понимаю, что это голос соседки. Я на скорую руку вытерлась. Накинула футболку мужа, и в ней выхожу во двор, как на сцену под палящим солнцем».

ГЕННАДИЙ (в роли пассажирки): «Это как в детективе. Сюжет закручен. Окончание будет непредсказуемо. Будем ждать финала... И что же было дальше?»

ЕЛЕНА (в роли Люси): «На минутку отвлеклась... Но потом всё же решила продолжить. Итак, подходит соседка — яркая огненно-рыжая женщина, вся на гриме, и кричит во все горло:»

ГЕННАДИЙ (в роли соседки): «— Люся, Люся! Можешь мне пачку сигарет продать?»

ЕЛЕНА (в роли Люси): «Я отвечаю: — Могу по-соседски дать, а продавать не буду... Ты мне лучше вернёшь потом долг сигаретами. Муж без них ни дня прожить не может. Ты отойди подальше от забора, а я непечатую пачку через него переброшу».

ГЕННАДИЙ (в роли соседки): «Не бросай, Люся, там кусты крыжовника, лучше подойди к забору и передай».

ЕЛЕНА (в роли Люси): «Я отвечаю: Куда, там колючие заросли малины, а я без исподнего».

АЛИБАБАЕВ (в роли мужа): «Не кричи громко, Люся, что ты в неглиже. Соседи услышат, что ты в таком виде по двору шастаешь».

ЕЛЕНА (в роли Люси, недоумённо): «Да кто услышит-то, все на работе. А остальным, статистам — я совсем не интересна».

АЛИБАБАЕВ (в роли мужа): «Кому надо, тот услышит. Придут полюбоваться всей округой. А потом сплетни пойдут. Так просто дело не утихнет».

ЕЛЕНА (в роли Люси): «Я говорю мужу: Да и пусть смотрят. Что мне скрывать-то. Я женщина красивая, фактурная. Мне от их смотрин ни холодно и ни жарко».

ГЕННАДИЙ (иронично, от себя): Ага, особенно когда эти «статисты» начинают обсуждать всё до мелочей.

Все трое смеются. После импровизации садятся за стол.

«Разбор полётов после читки»

ЕЛЕНА (задумчиво): Чёрт, а материал-то — огонь! Такой лёгкой бытовухой повеяло — прям как в «Служебном романе», только на минималках. Никакого пафоса, а смешно до слёз.

ГЕННАДИЙ (стуча пальцами по сценарию): А этот момент с сигаретами через забор — ход конём! Представляешь, если б мы это в декорациях обыграли? (Вскакивает): Вот забор — хлоп! Герой тянется — хлоп! И бац: вместо сигареты — суфлёр подсовывает ему банан!

АЛИБАБАЕВ (оживляясь): Кстати, у меня реально есть соседка-курильщица! Теперь буду знать, как с ней диалог строить: пафосно, как в «Гамлете»:

«Быть или не быть... вашему «Утру в электричке»?»

Все хохочут.

ЕЛЕНА (вытирая глаза): Ну ты артист! Только смотри — если введёшь это в спектакль, получится не комедия, а документалка про твой дачный отдых.

АЛИБАБАЕВ (подмигивает): Зато будет правда жизни! Как Станиславский завещал, по его системе!

Геннадий вдруг хлопает себя по лбу.

ГЕННАДИЙ: Стойте! Так мы же сами сейчас в пьесу попали! Вот она — мета театральность: сидим, обсуждаем текст — а сами стали её персонажами!

ЕЛЕНА (саркастично): Только вот загвоздка: в хорошей пьесе должен быть конфликт. А у нас — сплошной трёп и сигаретный юмор.

АЛИБАБАЕВ (вскакивает, драматично): Значит, надо срочно устроить драму!

Геннадий хватает со стола реквизитный пистолет.

ГЕННАДИЙ: Ибрахим — ты изменяешь жене с суфлёршей! Елена — ты на самом деле мой заклятый критик! А я... (задумывается) ... я вообще не режиссёр, а беглый актёр из провинциального ТюЗа!

Все закатываются смехом. Из-за кулис выкатывается тележка с надписью «Бутафория». Геннадий кладёт в неё пистолет.

ЕЛЕНА (сквозь смех): Всё, стоп, снято! Если продолжим, получится не пьеса, а «8 ½» Феллини. Давайте уже расходиться по домам.

Гаснет свет. Слышен смех и крик Геннадия: «Эй, кто-нибудь, включите Алибабаеву свет! У него в кабинете темно!»

Елена и Геннадий уходят. Алибабаев дочитывает пьесу.

АЛИБАБАЕВ: Классно написано. Но минусую. Хотя автором точно подмечено. Сюжет развивается, как в детективе. Финал будет непредсказуем. Будем ждать титры...

ЯВЛЕНИЕ 1.13. ВТОРОЙ РАЗГОВОР С ДИРЕКТОРОМ

Звонок стационарного телефона. Алибабаев судорожно берет трубку.

ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ (*спокойно и уверенно*): Ибрахим Салетович, снова приёмная Ивана Ивановича. Соединяю...

Её голос звучит как антракт перед разгоном труппы. Алибабаев нервно проглатывает слюну, руки дрожат.

ДИРЕКТОР (*резко и без предисловий*): Мы проанализировали вашу деятельность в стенах нашего храма Мельпомены. За 5 лет вы устроили тут не литчасть, а личный балаган! Где обещанный «фильтр» от графоманов?

Алибабаев вздрагивает.

АЛИБАБАЕВ (*робко и с отчаянием*): Так вы же сами дали такую установку! Я ваши решения и воплощал в жизнь!

Алибабаев опускает голову.

ДИРЕКТОР (*перебивая*): Выполнил? Позвольте поправить. Когда я принимал вас на должность завлита, дал наказ: создать фильтр от халтуры. Но вы возвели плотину почище Шушенской ГЭС! Все тексты — только ваши «инсценировки» (читай: плагиат с классики). Афиша театра за два крайних месяца — сплошной «Алибабаев presents»!

Пауза. Со стены падает рамка с дипломом. Алибабаев потеет, краснеет.

ДИРЕКТОР: За эти годы не было поставлено ни одной пьесы местных и маститых драматургов. К слову, вы обратились за рекомендацией для вступления в СТД. Так вот. Такой рекомендации не получите. И, кстати, когда ваш контракт заканчивается?

АЛИБАБАЕВ (*едва слышно*): Иван Иванович, сегодня.

ДИРЕКТОР (*сурово и холодно*): Считайте, что я вам его не продлеваю. Мы с вами больше не сработаемся. Можете забрать трудовую в отделе кадров. На этом разговор закончен.

Короткие гудки. Алибабаев медленно кладёт трубку, руки трясутся. Наступает тишина. Алибабаев вздыхает, ходит по кабинету.

АЛИБАБАЕВ (*кричит в пустоту*): Какого черта?! Как они могли?! Кто это подстроил?!

Падает в кресло, закрывает лицо руками. Тишина. Начинает смеяться истерически. Застывает. Хватает реквизитный череп.

АЛИБАБАЕВ: Предатели! Это же был только концепт! Они не доросли до моего гения!

Замечает камеру. Замахивается, но останавливается — видит в зеркале своё отражение.

АЛИБАБАЕВ (спокойно): Хм... А ведь это отличный сюжет для моей новой пьесы «Взлёт и падение завлита».

Срывается в истерический смех.

За дверью перешёптываются актёры: «Слышали? Его слили!» «Давно пора — один его спектакль с жирафами и пони чего стоил!»

Алибабаев продолжает смеяться, смех переходит в рыдания.

ЯВЛЕНИЕ 1.14. ВТОРОЙ РАЗГОВОР С ЖАННОЙ

Звонок на сотовый от Жанны. Алибабаев тяжело вздыхает, берет телефон.

ЖАННА (с придыханием и восторгом): Алло, пупсик! Это снова я! Поделюсь радостью. Я у салона красоты «Самая обаятельная и привлекательная». Через пару часов буду. как модель на обложке Vogue! Всё для тебя стараюсь, милый, чтобы тебе нравиться. Поэтому, бросай всё и приезжай! Жду у входа, метро...

АЛИБАБАЕВ (грустно, но твердо): Жанна! Видимо, сегодня не судьба. Я не смогу приехать. Скорее всего, и никогда больше.

ЖАННА (удивлённо, истерично): Что ты говоришь, пупсик?! Ты знаешь, как хорошо нам вместе! Сегодня будем только вдвоём! Ты и я, и больше никого! Приезжай... Твой мышнонок по тебе соскучился... Прошу... Не заставляй ждать... Я сгораю от страсти...

Алибабаев закатывает глаза, смотрит на график продаж билетов, на камеру.

АЛИБАБАЕВ (утомлённо): Сказал же, не получается, значит не получается...

ЖАННА (с надеждой): Я тебе приготовила сюрприз. Его можно потрогать только при личной встрече...

Алибабаев вздрагивает, вспоминая прошлые «сюрпризы». Барабанит пальцами по столу.

АЛИБАБАЕВ (сдавленно): Прости, но встреча не состоится. Ни сейчас, ни потом...

ЖАННА (резко, с обидой и гневом): Предатель! Обманщик! Ловелас! Как ошибалась в тебе! Думала ты настоящий мужчина, любящий, а оказался вертихвостом! Я больше не нужна!? Знай — с этой минуты ты для меня никто, понимаешь, никто!

Алибабаев смотрит на телефон.

АЛИБАБАЕВ (сдавленно): Забудь... Не звони... Не пиши... Я больше не отвечу... Всё кончено...

Связь разъединяется. Глубоко вздыхает, заканчивает разговор. Затем начинает хохотать нервно, истерично.

АЛИБАБАЕВ (сам себе, с горечью и облегчением): Ну вот, теперь точно звонить не будет... Осталось только объяснить это всем остальным моим «любимым»...

Опускается в кресло, закрывает лицо руками и смеётся уже от полного абсурда ситуации. Видеочамера продолжает следить за ним.

ЯВЛЕНИЕ 1.15. ЗВОНОК ЭЛЬМИРЕ НАРИМАНОВНЕ

Алибабаев еле сдерживает эмоции. Лицо выражает глубокое разочарование и злость. Он нервно барабанит пальцами по столу, затем решительно хватается за телефон.

АЛИБАБАЕВ (с отчаянием и яростью): Мне необходимо выяснить причину, по которой отношение ко мне со стороны директора и коллектива резко поменялось. Кто тот человек, который оставил меня без всего? Звоню Эльмире Наримановне.

Звучат короткие гудки. На вызов она не ответила. Алибабаев в ярости бросает телефон на стол, но через несколько секунд снова набирает номер. На этот раз Эльмира Наримановна отвечает.

АЛИБАБАЕВ (пытаясь сохранить спокойствие): Эльмира Наримановна! Здравствуйте! У меня состоялся неприятный разговор с директором театра, и я хочу у вас узнать, что вы ему сказали перед увольнением?

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА (холодно и уверенно): Правду, Ибрахим! И ничего кроме правды. Говорю дословно. По Черчиллю: «Если ты между войной и позором выбираешь позор, ты обратно получишь и позор, и войну». Неси такой свой крест и дальше. Только не надорвись.

АЛИБАБАЕВ (голос дрожит от гнева): Что значит «правду»? Какую правду? Вы что, решили подставить меня? Почему вы это сделали? Мы же были друзьями.

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА: Друзьями? Ты слишком много на себя берёшь. Ты всегда был сам себе на уме, думал только о своих интересах. Такие люди, как ты, не заслуживают доверия.

АЛИБАБАЕВ (с горечью и обидой): Но ведь вы до меня здесь работали столько лет! А после вашего увольнения, я помогал вам во всех делах, поддерживал в трудные моменты. Почему вы так поступили со мной?

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА (резко): Ты помогал только тогда, когда это было выгодно тебе. Когда дело касается твоих личных амбиций, ты был готов предать любого. Не надо делать вид, что ты невинная жертва. Директор театра узнал о твоих истинных намерениях, и теперь ты пожинаешь плоды своих действий.

АЛИБАБАЕВ (кричит в трубку): Вы лжёте! Это вы предали меня! Вы всегда завидовали моим успехам, хотели вернуться на своё прежнее место работы. Теперь я понимаю, что за всем этим стоит ваша злоба и зависть!

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА: Не кричи на меня, Ибрахим. Ты сам выбрал свой путь. Теперь живи с последствиями. Я лишь сказала правду, которую все давно знают. А теперь, если ты высказался, то закончим этот разговор, а я продолжу заниматься своими домашними делами.

Разговор заканчивается короткими гудками. Алибабаев смотрит на телефон. Его руки трясутся.

АЛИБАБАЕВ (про себя, с горечью и болью): Как же так... Как могло всё так быстро измениться? Всего несколько дней назад кружил в облаках, а теперь... потерял всё: работу, семью, друзей, будущее...

Он опускается в кресло, закрывает лицо руками и начинает плакать. Видеокамера продолжает следить за ним, словно записывая каждый момент этого трагического дня.

ЯВЛЕНИЕ 1.16. ВТОРОЙ РАЗГОВОР С НАТАЛЬЕЙ. У ЗЕРКАЛА

Алибабаев сидит за столом, задумчиво пялится в монитор. Входящий звонок на соотовый.

АЛИБАБАЕВ (в трубку): Привет, Наталья! Что-то зачастила. Случилось у вас что?

НАТАЛЬЯ (сразу с напором, обиженно): Случилось, мой благоверный. Случилось! Только не у нас, а у тебя. Зашла домой, включила компьютер - а у тебя там твой стрим всё ещё идёт! Забыл отключиться после утреннего разговора, видимо? Сижу, смотрю. Любуюсь тобой. И что увидела: твой базар с кошечкой Жанной, одноклассницей Светланой, Эльмирой Наримановной, директором Иваном Ивановичем! Ты совсем в детство впал?! Видосики пишешь, канал завёл! Короче, после всего увиденного подаю на развод! Детали обсуждать некогда и не буду. Дети взрослые, поймут, останутся со мной. А ты убирайся из квартиры куда подальше, немедленно! Мне твоя судьба теперь безразлична. И ключи от Мерседеса соседке отдай. Я её предупредила, она в курсе.

Алибабаев открывает рот, но Наталья уже повесила трубку. Смотрит на телефон, не веря произошедшему. Переводит взгляд на видеокамеру, которая будто издевается над ним.

АЛИБАБАЕВ (Подходит к зеркалу, устало проводит рукой по лицу, смотрит на своё отражение): Ну что, старик, доигрался? Пора бы честно себе признаться... Что это за катастрофа сегодня случилась? Как, чёрт возьми, всё покатило под откос буквально за пару часов? Что я сделал не так? Или чего не сделал?.. Вот где собака зарыта... (Отворачивается от зеркала, медленно идёт по комнате, жестикулирует) А ведь утро было - конфетка! Сел, написал... ну да, очередную «нетленку»-инсценировку, куда ж без этого. (Усмехается криво). Планы строил... Жанна... (Останавливается, взгляд теплеет, появляется мечтательная улыбка) Ах, Жанна... Знаешь, что меня в ней всегда цепляло до дрожи? Эта её томная печаль, эта вечная осенняя меланхолия во взгляде... Словно раненая птица... (Улыбка исчезает, сменяется циничной гримасой) Но... (Щёлкает пальцами) Стоит только заикнуться о проклятых деньгах... и вся эта её неземная грусть испаряется, как дым! Глаза вспыхивают: в них виден не огонь, а пожар! Хищный такой, азартный. (Возбужденно жестикулирует, с придыханием) И она... О, как она оживает, словно статуя, к которой вдруг подключили электричество! И вот ... как перед ней... устоять? Да сам чёрт не устоит! Теряешь голову, кошелёк, остатки совести... Всё к её ногам бросаешь... Эх, старик, старик...

Нервно пожимает плечами. Снова звонок. Берет трубку с опаской.

ЯВЛЕНИЕ 1.17. ВТОРОЙ РАЗГОВОР СО СВЕТЛАННОЙ

АЛИБАБАЕВ (неуверенно): Алло?

СВЕТЛАНА (с лёгкой тревогой): Привет, Ибрахим! Это снова я, Светлана. Я к тебе долго не могла дозвониться: у тебя все время было занято.

АЛИБАБАЕВ (пытаясь придать голосу уверенность): Привет, Светлана! Да так, пустяки. Рабочие моменты.

СВЕТЛАНА (с волнением): Моя дочь вернулась домой в расстроенных чувствах. И в слезах.

АЛИБАБАЕВ (раздражённо): Ты поговорила с ней? Узнала причину?

СВЕТЛАНА: Я уже пыталась её успокоить, но ничего не вышло.

АЛИБАБАЕВ: Что ты хочешь от меня услышать? Ты ждёшь материальной помощи? Или, чтобы я ласково погладил её по головке?

СВЕТЛАНА: Ничего от тебя уже не жду, а хочу поделиться с тобой одной новостью.

АЛИБАБАЕВ (с отчаянием): Ты мне позвонила, чтобы вспомнить о прошлых годах? Так сказать, провести экскурс в историю?

СВЕТЛАНА: Да, я решила позвонить, чтобы рассказать тебе об этом.

Алибабаев закрывает глаза.

АЛИБАБАЕВ: Это будет ещё одна порция неприятностей? Тогда у нас разговор не получится. Мне, правда, некогда. Да и настроение не то, чтобы слушать рассказы про детско-юношеские годы. У меня на сегодня намечена насыщенная программа. Запланировано несколько встреч. Они срываются, и в том числе и по твоей причине. К тому же неожиданно возникли проблемы по работе... Тебе есть что сказать мне важное?

СВЕТЛАНА: Да, мне есть, что сказать. И ты должен внимательно выслушать.

Алибабаев глубоко вздыхает, готовясь к худшему.

АЛИБАБАЕВ: Интригующее начало, мне стало даже интересно прослушать историю из бурной молодости. Жду твоего повествования.

СВЕТЛАНА: Помнишь, мы были на свадьбе у Леры и Гены Байбуковых в качестве свидетелей? Как тогда лилось рекой шампанское, была красивая обстановка, молодожёны, крики «Горько!» и «Ура!» Одним словом, в тот день правила балом молодость... Потом у меня родилась дочь, и я растила её одна. Через 2 года я вышла замуж. Он пожалел меня, и стал для дочери вторым отцом. Но отношения между нами не сложились, и я с ним рассталась. Так Сашка и есть тот самый режиссёр театра.

АЛИБАБАЕВ (с лёгким смешком): Послушай, а почему ты мне изливаешь душу? У твоей дочери есть родной отец — ему и говори про слезы дочери.

СВЕТЛАНА (серьёзно): Помнишь, что ты сегодня говорил про Сашку Селезнёва? И как ты завидовал, что мы ходили под ручку перед школой? Так вот, знай, я это делала специально. Дразнила тебя. А когда мы отходили подальше от окон школы или заходили за угол ближайшего дома, я резко отталкивала его. Он терпел меня, потому что тоже был в меня влюблён.

АЛИБАБАЕВ (с удивлением): Удивительная, милая история о несостоявшейся любви. Что произошло дальше?

СВЕТЛАНА: А дальше было следующее. Здесь стоит вернуться к той свадьбе. Может быть, ты и забыл о ней, и она пронеслась мимо тебя кратковременным событием - эмоциональным и быстрым. Но после неё у меня осталась память о нём - дочь. И она, признаюсь, от тебя.

Алибабаев чуть не выронил из рук телефон.

АЛИБАБАЕВ: Не может быть. Этого не может быть в принципе!.. Мы с тобой были близки там всего один раз!..

СВЕТЛАНА: Этого оказалось достаточно, чтобы войти в интересное положение... Но дочь - подтверждение тому факту. Я даже больше скажу, о тебе ей никогда ничего не говорила. Врала, что родной отец - Александр. Сашка Селезнёв. Режиссёр театра.

АЛИБАБАЕВ (в полном шоке, голос дрожит): И почему ты мне не сказала об этом раньше? А эта девушка так и не зашла ко мне, не призналась, что от тебя и что моя дочь? Я был бы рад её видеть и помочь ей.

СВЕТЛАНА: Но она же с тобой встречалась. Неужели ты её не узнал?

АЛИБАБАЕВ: Как я мог её узнать, если ко мне заходят десятки человек в день?

СВЕТЛАНА: Она была в театре, виделась с тобой и даже пообщалась.

АЛИБАБАЕВ: Не может быть! Когда это было? Точно, её не видел.

СВЕТЛАНА: Это было сегодня утром...

АЛИБАБАЕВ: Ничего не понимаю, объясни доходчиво.

СВЕТЛАНА: Так вот девушка, которая у тебя была, приходила со своей пьесой, и ты её пьесу отверг.

АЛИБАБАЕВ (в полном изумлении): Неужели... неужели... это ... Вера? Пьеса «Тайна и откровение»?! Этого не может быть!!!

СВЕТЛАНА: Да, именно она... твоя дочь! В этом можешь не сомневаться, Ибрахим Салетович! Хотя по паспорту она Вера Александровна. Теперь тебе стало всё ясно и понятно?

АЛИБАБАЕВ (*задумчиво*): Да уж, Светлана, такого поворота событий я не ожидал. А почему ты столько лет молчала?

СВЕТЛАНА: Была веская причина: боялась людского осуждения. Да и ты скоро женился. Видела, какой ты ходил важный, нарядный и счастливый... Красавец мужчина! Вот теперь всё. Надеюсь, больше с тобой судьба нас не будет сводить.

Разговор завершается. Алибабаев кладёт телефон на стол и задумывается.

АЛИБАБАЕВ (*задумчиво*): Сегодня Вере задал такой вопрос: - В кого ты такая настойчивая и настырная: в маму или в папу? Она мне ответила: — Мама всегда говорила, что я вся в отца... А я-то подумал, к чему она это сказала?.. Эх... знать бы это заранее где упадёшь...

Он опускает голову на руки, чувствуя, как весь мир перевернулся с ног на голову. Видеокамера продолжает смотреть на него, как будто записывая каждый момент этого странного дня.

ЯВЛЕНИЕ 1.18. ИБРАХИМ СОБИРАЕТ ВЕЩИ. ПРОВОДЫ ИБРАХИМ И ЕЛЕНА

Ибрахим, погруженный в свои мысли, сосредоточенно собирает вещи. Входит Елена, с тревогой наблюдает за ним.

ЕЛЕНА (*с надеждой*): Ты действительно уверен, что хочешь уйти? Списать со сцены?

Алибабаев не глядя на неё, продолжает складывать бумаги в коробку. Его движения резкие, словно ставит точку в финале.

АЛИБАБАЕВ (*с оттенком горечи*): Да, Елена. Сколько можно терпеть? Каждый день — это борьба, как в четвёртом акте трагедии.

ЕЛЕНА (*с недоумением*): Но ведь ты здесь уже 5 лет... Здесь твой дом, твоя площадка.

Алибабаев останавливается, руки дрожат. Медленно поднимает голову, смотрит на Елену, в глазах смесь гнева и печали. Снова опускает голову, продолжает собирать вещи, но медленнее, осмысленнее.

ЕЛЕНА (*подходит ближе, голос мягче*): Ибрахим, я понимаю, тебе сейчас сложно. Но может, стоит попробовать ещё раз? Сыграть ещё один дубль? Может, всё изменится? Мы можем вместе найти решение, выстроить мизансцену по-новому.

Алибабаев смеётся горько, безрадостно. Поворачивается к Елене, смотрит ей в глаза.

АЛИБАБАЕВ (*с горечью*): Попробовать ещё раз? Елена, я пробовал. Снова и снова. Но каждый раз сталкиваюсь с тем же: люди, которые не понимают, что такое настоящая работа, настоящий театр. Им нужны только зрелища, пустой эффект, а не искусство. А я... я хочу создавать что-то значимое, новое, не халтуру.

Делает паузу, переводит дух, продолжает тише, задумчивее.

АЛИБАБАЕВ: Я помню тот день, когда пришёл сюда впервые. Всё было так прекрасно, так вдохновляюще. Мы мечтали о великих постановках, о том, как будем менять мир через

искусство. Но где эти мечты сейчас? Где эти огонь, драйв, что горели в наших сердцах?

Елена слушает с сочувствием, глаза блестят от слёз. Протягивает руку, кладёт её на плечо Алибабаева.

ЕЛЕНА (*тихо*): Может, ты перегорел, устал? И тебе нужно немного времени, уйти в антракт, чтобы отдохнуть и пересмотреть свои творческие приоритеты?

Алибабаев вздрагивает, но не отстраняется. Смотрит на её руку, затем на лицо.

АЛИБАБАЕВ (*с грустью*): Возможно, ты права и действительно нужно время всё обдумать. Но знаешь, что самое странное? Даже если я уйду и всё начну с чистого листа, боюсь, ничего не изменится. Эти мысли будут следовать за мной повсюду, как мой рок и лейтмотив неудачи.

Елена сжимает его плечо чуть сильнее, стараясь передать поддержку. Он аккуратно ставит коробку на стол, обнимает Елену. Они стоят так недолго.

ЕЛЕНА: Всё будет хорошо, Ибрахим. Верь в себя и в нашу труппу. Мы сможем преодолеть любые трудности.

Алибабаев отстраняется, смотрит в окно.

АЛИБАБАЕВ (*задумчиво*): Да, ты права, Елена. Нужно выбрать для себя правильный путь, двигаться по нему и никогда не сдаваться. Спасибо. Ты всегда знаешь, какую реплику подать.

Они улыбаются друг другу. Елена отстраняется.

ЯВЛЕНИЕ 1.19. ПРОВОДЫ ИБРАХИМ И ЕЛЕНА И ГЕННАДИЙ. ПРИТЧА АЛЕКСЕЯ ЭДУАРДОВИЧА ОДОБРЕНИЕ И ОТКАЗ

В кабинет заходит Геннадий с обеспокоенным лицом. Оглядывает помещение, замечает коробку.

ГЕННАДИЙ (*осматриваясь*): Ибрахим, ты уже собрал весь реквизит?

АЛИБАБАЕВ (*с горькой улыбкой, продолжая складывать бумаги*): Да, даже парочку жирафов прихватил с собой в ручной клади!

ГЕННАДИЙ: Оставь неуместные шутки для капустника. Я не хотел, чтобы всё так закончилось. Твой занавес упал так внезапно...

АЛИБАБАЕВ (*поворачиваясь к Геннадию*): Причем здесь ты? Я немного успел сделать для театра, а теперь передо мной закрылись его двери, меня вывели из игры.

ЕЛЕНА: Геннадий Максимович, может, есть шанс ситуацию исправить? Поговорите с Иваном Ивановичем. Вдруг удастся его разжалобить, уговорить отменить приказ об увольнении?

ГЕННАДИЙ (*тяжело вздыхает, глядя на Алибабаева, с сочувствием*): Я бы хотел, но... репутация театра, имидж площадки на кону.

АЛИБАБАЕВ (*с возмущением, переходящим в истерию*): Репутация? Ха! А как насчёт моих текстов, которые все дружно делают вид, что не замечают? Которые тихо отправляют в архив?

ГЕННАДИЙ: Я не отказываю тебе в нормальных идеях, но эти - про животных в классике, они требуют адаптации, коррекции, или вообще стоит от них отказаться. И последнее

решение будет самым верным. Пойми, твои новации – это чистейшей воды неформат.

АЛИБАБАЕВ (*раздражённо, почти крича*): А я больше не могу адаптировать пьесы и устал сам адаптироваться к переменам! Мой внутренний Станиславский бунтует!

ЕЛЕНА (*тихо, но уверенно*): Я вас покину, мужчины. Мне нужно решить некоторые вопросы. Небольшой антракт. Я скоро вернусь.

Елена выходит. Геннадий и Алибабаев остаются. Геннадий делает шаг вперёд.

ГЕННАДИЙ: Ибрахим, я знаю, что ты хороший завлит и талантливый драматург. Но иногда жизнь подбрасывает такие ситуации, которые кажутся тупиковыми сценами. Однако всегда есть шанс начать всё заново. Даже если кажется, что финал предрешён.

АЛИБАБАЕВ (*смотрит на Геннадия с надеждой*): Но как? Как начать всё заново, когда никому не нужны твои идеи? Когда твой материал никому не заходит?

ГЕННАДИЙ (*улыбаясь, с лёгким юмором*): Начни с малой формы. Найди того, кто готов принять твои идеи. Возможно, это будет не театр, а что-то другое, другая сцена. Главное — не сдавайся. Ты слишком талантлив, чтобы позволить себе уйти в тень, сойти с дистанции.

Алибабаев задумчиво смотрит на Геннадия, затем на коробку. Глаза начинают светиться надеждой.

АЛИБАБАЕВ (*с лёгкой улыбкой, серьёзно*): Может быть, ты и прав, и мне действительно стоит сменить амплу, например?

ГЕННАДИЙ: Вот именно. Я уверен, что ты найдёшь свой путь. И, возможно, когда-нибудь вернёшься в наш театр, но уже с новыми силами, идеями и достойным репертуаром.

Алибабаев кивает. Мужчины обмениваются рукопожатием.

АЛИБАБАЕВ (*с благодарностью*): Спасибо, Геннадий Максимович. Твои слова — как луч софита в темноте. Я выйду на эту сцену жизни без суфлёра — и сыграю свою новую роль до конца.

Геннадий выходит, оставляя Алибабаева одного. Ибрахим смотрит на коробку, глубоко вздыхает, собирается с духом и направляется к выходу.

Неожиданно возвращается Геннадий. Останавливает Алибабаева.

ГЕННАДИЙ (*сдержанно*): Совсем забыл. Вот текст. Алексей Эдуардович передал. Говорит, специально для тебя написано.

Алибабаев даже не смотрит в его сторону, кладёт документы в коробку, папку с надписью «Отклонено».

АЛИБАБАЕВ (*сквозь зубы*): Уже видел его опус сегодня. Сказал ему — слабый материал. Подсказал, где поправить, вычитать.

ГЕННАДИЙ (*разворачивает листок*): Не торопись. Здесь... кое-что иное, любопытное. Другой посыл.

Голос Геннадия становится немного мелодичным, будто он не говорит, а читает белый стих.

ГЕННАДИЙ: Слушай. Читайте вслух. Итак, начинаю. Жил в горах мудрец. Люди приходили к нему за советом, но он редко им отвечал. Но однажды пришёл к нему юноша с рукописью и спросил: «Почему одни слова в пьесах находят отклик у зрителя, а другие — нет?»

Алибабаев замедляет движения. Начинает прислушиваться.

ГЕННАДИЙ (*продолжил чтение*): Старик взял камень и бросил его с высоты в пропасть. «Слышишь эхо? — сказал он. — Это — одобрение. А тишина после него — отказ. Но без пропасти не было бы ни того, ни другого.»

Алибабаев резко оборачивается. Глаза сужены.

АЛИБАБАЕВ: Это он про что? Какой подтекст?

ГЕННАДИЙ (*равнодушно*): Слушай дальше, там развязка ещё интереснее.

Переворачивает листок. Читает медленнее, выделяя каждое слово.

ГЕННАДИЙ: Юноша ушёл, но вернулся через год. «Я написал новое произведение, — сказал он. — Но теперь мне всё равно, что скажут о нем другие.» Старик рассмеялся. «Значит, ты смог услышать и понять самое важное — тишину».

Алибабаев застывает. Резко выхватывает листок, пробегает глазами текст. Пальцы сжимаются, мнут бумагу.

АЛИБАБАЕВ (*тихо, сдавленно*): Он... издевается надо мной? Устраивает мне фарс?

ГЕННАДИЙ (*пожимает плечами*): Не думаю. Вероятнее всего, даёт совет. Режиссёрский ход такой.

Долгая пауза. Алибабаев разжимает пальцы. Скомканный лист падает. Он берёт коробку и идёт к выходу. На пороге оборачивается.

АЛИБАБАЕВ (*без улыбки*): Передай Алексею Эдуардовичу — я его услышал.

Геннадий кивает на прощание, и Алибабаев уходит.

ЯВЛЕНИЕ 1.20. ТЕ ЖЕ И ЕЛЕНА В РОЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРОФКОМА

В этот момент в кабинет заходит Елена с пакетиками чая и тортом. Она выглядит одновременно торжественной и слегка смущённой — как прима на поклонах.

ЕЛЕНА (*нафосно*): Привет всем присутствующим! Я вошла, как председатель профсоюзной организации. От театрального профсоюзного комитета принесла угощения по случаю расставания с нашим завлитом, товарищем Алибабаевым! Пусть оно пройдёт в формате маленького капустника!

Алибабаев и Геннадий переглядываются, удивлённые её появлением и словами.

ЕЛЕНА (*продолжая*): Профком с особым трепетом выбирал подарки для наших женщин в канун первого весеннего праздника. Но мы должны сейчас сосредоточить наше внимание на Ибрахиме Салетовиче. Жизнь полна неожиданностей, и в нашем драматическом театре они происходят особенно часто. Каждый миг полон контрастов: радость и грусть переплетаются, создавая сложные узоры из эмоций и чувств, как в хорошей драматургии.

Она ставит торт перед Алибабаевым.

ЕЛЕНА (*с пафосом*): В этот предпраздничный день мы собрались здесь, чтобы не только отпраздновать приход весны, но и отдать дань уважения человеку, который стал для нас не просто коллегой, но и верным партнёром по сцене в трудные времена. Мы с теплотой вспоминаем его доброту, мудрость и искреннюю заботу, с которой он относился к каждому из нас. Предстоящее расставание - это не уход с работы, а момент, когда воспоминания о его ярком присутствии являются основой нашей благодарности за все, что он принёс в наши творческие жизни...

Алибабаев слушает её слова, но его лицо выражает скорее горечь, чем радость.

АЛИБАБАЕВ (*с грустью*): Спасибо за добрые слова, но как можно есть торт, пить шампанское, когда я, словно, в воду опущенный реквизит?

ГЕННАДИЙ (*твёрдо*): Отвлекись от всех проблем и не заморачивайся по таким мелочам!

ЕЛЕНА ... Кто-то уходит, кто-то приходит — в этом смысл пьесы жизни, и не нам менять её драматургию. Хочу заметить, что вы так и не решились или не успели написать поздравление к 8 марта. Женская половина театра в лёгком недоумении и обиде на вас. Каждая из них ожидала услышать или прочитать ваши добрые слова, которые раскроют их натуру и наполнят атмосферу театра теплом и заботой, зажгут рампу души.

Алибабаев смотрит на неё с лёгкой улыбкой, но всё ещё явно подавлен.

ЕЛЕНА (*с убеждённой уверенностью*): В этот день, когда распускаются первые цветы и женские сердца наполняются нежностью, важно помнить о силе простых, но искренних жестов. Поздравление — это не простые слова, это мостик, соединяющий души, тёплый лучик софита в холодные будни. Пробудите в себе поэта, вспомните, как приятно дарить улыбки и радость. Будьте тем, кто не забывает о дорогих сердцу женщинах, и пусть каждое ваше слово станет данью уважения и восхищения ими. Преобразите для дам этот день в сказочный праздник, пронизанный любовью и вниманием, ведь это то, что действительно важно. Не упустите возможность создать момент счастья для других, даже если вы чувствуете себя не в своей роли!

АЛИБАБАЕВ (*рассматривая торт*): Я уверен, что женщинам проще постигать секреты кулинарного мастерства, чем драматургу — особенности сценических образов.

ЕЛЕНА (*с улыбкой*): Меньше хандры. Бодритесь, скоро прозвучит третий звонок к новой жизни! И чтобы я вас никогда таким кислым по жизни не видела. Сильно не переживайте. В следующий раз всё будет проще. Каждый опыт, даже самый негативный, делает нас другими, заставляет переосмысливать свои роли, поступки в прошлом и принимать более взвешенные решения в будущем.

Елена закончила выступление. Кланяется.

ГЕННАДИЙ (*глубоко вздыхая*): Ибрахим... (*пауза, смотрит в зал*) Когда я впервые переступил порог этого театра, я думал, что знаю, что такое искусство от а до я. Но ты... (*улыбается*) Ты показал мне, что театр — это не просто текст, свет и декорации. Это живое дыхание, которое ты умел разжечь даже в самых чёрствых душах зрителей.

Кладёт руку на грудь, будто клянётся.

ГЕННАДИЙ: Помнишь, как ты выбивал для нас лишние часы репетиций? Как сражался с администрацией за каждый смелый режиссёрский ход? Как ворчал, но всё равно пропускал нас ночью в театр, если кому-то вдруг «срочно нужно было прочувствовать пространство

сцены»?

Тихо смеётся, качает головой.

ГЕННАДИЙ: А твои разборы пьес... Боже, это были не лекции, а откровения! Ты мог три часа подряд говорить про одну ремарку, и мы слушали, затаив дыхание, потому что знали: за каждым твоим словом стоят годы любви к этому безумному, прекрасному делу.

Делает шаг назад.

ГЕННАДИЙ: Прими благодарность за все часы, что ты посвятил нам, за каждую поправку в оттенках речи, за ту искру веры в успех, что ты зажигал в наших сердцах, когда в них оставались лишь тени сомнений. *(Пауза)* Этот театр навсегда останется твоим. Потому что ты не просто работал — ты жил здесь. И мы... *(голос дрожит)* мы с Еленой постараемся быть достойными твоего наследия, не уронить планку.

Алибабаев слушает его слова, его лицо немного светлеет.

АЛИБАБАЕВ *(с благодарностью)*: Благодарю вас за вашу оценку, добрые слова и понимание. Ваша вера в меня всегда придавала мне сил и уверенности.

ЕЛЕНА *(с надеждой)*: Возможно, когда-нибудь вы вернётесь назад? Ведь в театре жизнь кипит эмоциями и вдохновением. Как вы будете жить без нас, без этой творческой кухни? Хочу также сообщить, что ваш уход стал настоящим шоком и испытанием для всего коллектива. Однако теперь чувства печали и сожаления уже не так эмоционально сильны, а на их место приходят тёплые воспоминания о недавнем прошлом, прошедших сезонах.

АЛИБАБАЕВ *(с горькой улыбкой)*: Вернусь ли я обратно? Это интересный вопрос. Возможно, я вернусь, но только не в театр. Постучу по дереву, меня опять не в ту степь понесло, не тот жанр.

ЯВЛЕНИЕ 1.21. УХОД С РАБОТЫ

Кабинет завлита. Вечер. На столе — беспорядок из рукописей и чашка остывшего кофе. Тревожный свет лампы. Тиканье часов.

АЛИБАБАЕВ *(глубоко вздыхая)*: Ну вот, друзья мои... Похоже, закончился финальный акт. Занавес.

Бережно проводит рукой по корешкам пьес на полке.

АЛИБАБАЕВ: 5 лет в этом кабинете... Столько монологов отслушал, столько ремарок вычеркнул... А теперь — антракт. Причем, для меня бессрочный.

ЕЛЕНА *(с тревогой в голосе)*: Ибрахим Салетович! Да вы шутите? *(Кладёт очередную пьесу на стол.)* Кто теперь будет разбирать многочисленные опусы? Кто, как не вы, будет находить жемчужины в этом море графомании?

ГЕННАДИЙ *(хрипло)*: Старик... Это что, прощальный бенефис? Или гастрольный тур в никуда?

Подходит ближе, разводит руками.

ГЕННАДИЙ: А как же наш «Гамлет» в постановке для слепых? А твои эскизы к «Чайке»? Ты же обещал довести всё до премьеры!

АЛИБАБАЕВ *(горько усмехаясь, поворачивается к ним)*: Обещал...

Берет со стола зачитанный томик Станиславского.

АЛИБАБАЕВ: Видите эту книгу? Она мне снится. Буквально. Я каждую ночь просыпаюсь в холодном поту от того, что не могу найти «зерно» в пьесах, которые нам присылают.

Кладёт книгу на стол.

АЛИБАБАЕВ: Я высох, подобно декорациям после двухсотого спектакля.

ГЕННАДИЙ (*берет его за плечи*): Бред какой-то! Ты просто загнал себя! Сделай паузу — месяц, два! Съезди в Ясную Поляну, смени декорации! Но не хорони себя заживо!

АЛИБАБАЕВ (*отстраняется*): Геннадий... Ты знаешь, сколько раз я себе это говорил? (*Срывающимся голосом*) Но я больше не чувствую этот театр. Раньше — да, каждый вечер, выходя на пустую сцену после репетиций, я слышал, как дышат его стены. А теперь меня окружает... (*Щёлкает пальцами*) Тишина. Невыносимая тишина.

ЕЛЕНА (*шёпотом*): Вы обязаны вернуться! Хотя бы... хотя бы ради...

Не договаривает, опускает глаза.

АЛИБАБАЕВ (*внезапно оживляясь*): Знаете, что я придумал? (*с деланной весёлостью*) Открою я антитеатр! Где актёры будут во время спектаклей молчать, зрители спать, а критика ... только восхвалять...

ЕЛЕНА (*страстно*): Проснитесь! Выйдите из образа!

Берет со стола фотографию их последней премьеры.

ЕЛЕНА: Вспомните, каково это — стоять за кулисами и слышать, как зал замирает перед вашим любимым монологом! Вы не просто завлит — вы совесть этого театра!

ГЕННАДИЙ (*громко*): Послушай, маэстро! Ты не имеешь права бросать сцену! (*тише*) Мы... мы без тебя застрянем во втором акте, понимаешь? Без тебя спектакли рассыпятся...

АЛИБАБАЕВ: Театр... это мой... главный проект в жизни.

ЕЛЕНА (*кивает*): Ваш самый важный проект. Который нельзя положить в долгий ящик...

АЛИБАБАЕВ: А знаете, что мне сегодня приснилось? Будто я уже старик, и сижу в каком-то провинциальном кафе... И вдруг по телевизору идёт спектакль. Тот самый, «В капкане у монстра». (*Голос его дрожит.*) И я плачу. Потому что понимаю — это был лучший авторский материал, который прочитал, в моей жизни... Я сам же и разрушил его, не дав ему дорогу на нашу сцену.

Пауза. Алибабаев медленно опускается в кресло, закрывает лицо руками.

ГЕННАДИЙ: Не переживай сильно. Мы его возьмём в репертуар в следующем сезоне.

ЕЛЕНА (*с тревогой*): С кем вам будет в старости комфортно? С кем собираетесь стареть, доигрывать финальную партию!

АЛИБАБАЕВ (*с лёгкой улыбкой*): Дожить бы до той старости... До финала.

ЕЛЕНА (*с интересом*): А чем думаете тогда заниматься? Какое амплуа собрались примерять?

АЛИБАБАЕВ (*с юмором*): На старости лет открою отель: «У погибшего завлита».

ГЕННАДИЙ (*с улыбкой*): Тогда желаю удачи тебе, Ибрахим, на всем дальнейшем жизненном пути! Удачной премьеры в новой жизни!

Геннадий пожмает руку Ибрахима. Елена машет ему вслед, провожая взглядом. Алибабаев с грустной улыбкой покидает кабинет. Елена и Геннадий остаются.

ГЕННАДИЙ (*размышляя вслух*): Совсем недавно Алибабаев говорил: что его в школах будут преподавать и цитировать. Я в некотором смысле был с ним согласен. Но в сложившейся ситуации не понимаю роль его, как персонажа. Хотя время расставит все по своим местам. Правда, видя понурого Алибабаева, можно понять, как быстро он сдулся... Вот что с человеком делает тщеславие... Как быстро с ним произошла поразительная метаморфоза... Кстати, ты что-то говорила ему о его возвращении? Неужели ты не рада, что он наконец-то покидает нас?

Елена опускает голову, её глаза наполняются слезами.

ЕЛЕНА (*тихо*): Чему мне радоваться? Его уходу? Ведь я от него подхватила аиста...

Геннадий удивлённо смотрит на неё, его лицо выражает одновременно шок и недоумение.

ГЕННАДИЙ (*ошеломлённо*): Что? Как это произошло? Когда это случилось?

ЕЛЕНА (*со слезами на глазах*): Это случилось несколько месяцев назад. Я не стала делиться этой новостью, пока не убедилась наверняка. Но теперь как не старайся ничего не скроешь. Я боюсь за будущее, Геннадий. Что мне делать дальше?

Геннадий медленно подходит к Елене.

ГЕННАДИЙ (*успокаивающе*): Ты справишься, Елена. Главное — не теряй надежду и верь в лучшее. Ибрагим обязательно узнает об этом, и, возможно, его решение изменится.

ЕЛЕНА (*с надеждой*): Но как ему сказать об этом? Как сохранить его спокойствие?

ГЕННАДИЙ (*Сжимая кулаки до побеления костяшек, нервными шагами отмеривая комнату*): Спокойствие, Елена? Нет! Сейчас не до него. Всё висит на волоске... Но действовать — необходимо сегодня. Все ниточки должны сойтись в один узел. (*Внезапно замирает, поворачиваясь к ней*). Наталья... Жена Ибрагима... в тёмную введена в нашу партию; Ибрагим проглотил наживку — поверил в её отъезд к родителям. (*Горькая усмешка*). А между тем... она укрылась у подруги. И знаешь, где ахиллесова пята этого хрупкого плана? Её встреча... с Жанной: как она пройдёт и чем закончится... Так что забудь о коктейлях и светских беседах. Только холодный расчёт. Один неверный шаг... и наша игра проиграна. Безвозвратно.

КОНЕЦ АКТА

АКТ 2.

СЦЕНА 2.1. САЛОН КРАСОТЫ

Салон красоты. Стол, несколько стульев, зеркало. Жанна с красивым макияжем собирается покинуть салон красоты, поправляя причёску перед зеркалом. Внезапно дверь распаивается с такой силой, что она чуть не ударяется о стену. Наталья врывается внутрь, её глаза горят яростью. Она окидывает взглядом ЖАННУ, стоящую перед ней. Жанна от неожиданности теряется.

ЖАННА (*Задыхаясь от испуга*): Это вы...

НАТАЛЬЯ (*Шаг вперёд, в голосе — лёд и сталь*): Ну что, милашка, довольна? Дозвонилась?

Жанна инстинктивно прижимается к зеркалу. В отражении — две женщины: одна — совершенство, другая — ярость.

НАТАЛЬЯ (*Внезапно хватая Жанну за запястье, зло*): Я же тебя ПРЕДУПРЕЖДАЛА.

Жанна вскрикивает. Наталья тянет её к себе, они стоят лицом к лицу.

НАТАЛЬЯ (*Шёпотом*): Ты думала, я не узнаю? Что он тебе звонит и ... ты ему тоже? Зачем ты в мою семью лезешь? Чего добиваешься?

Рядом падает косметичка: флакон с лаком, пудра.

НАТАЛЬЯ (*Дрожит от страха*): Я... не...

Наталья резко усаживает её в кресло. Жанна цепляется за подлокотники, как за спасательный круг.

НАТАЛЬЯ (*Бьёт кулаком по столу*): ЗАЧЕМ спрашиваю? ЗАЧЕМ ты лезешь в мою семью?

ЖАННА: Охрана! На помощь!!!

Вбегают ОХРАННИК. Молодой, растерянный. Наталья — не отрываясь от Жанны — машет ему рукой.

НАТАЛЬЯ (*Охраннику, сквозь зубы*): Кому говорю! Иди камеру выключи.

Охранник замирает. Наталья поворачивает к нему голову.

НАТАЛЬЯ (*Командным голосом*): Выключи камеру немедленно... Чего стоишь, как остолоп на сцене?

Охранник бледнеет. Исчезает в темноте коридора-кулис. Наталья наклоняется к Жанне. Шепчет.

НАТАЛЬЯ: Ты знаешь, что бывает ... с такими, как ты ... куклами?

Достаёт ножницы. Блеск стали. Жанна зажмуривается. Резкий звук — ножницы втыкаются в подушку кресла. Пух летит во все стороны.

ЖАННА (*Шёпотом*): Ой, мамочка...

НАТАЛЬЯ (*Смеётся*): Твоей матери здесь нет. Здесь есть только я. Это мой бенефис.

Внезапно раздаётся сирена, это сработал охранник. Слышны голоса прохожих. Наталья неожиданно выпрямляется. Проводит волосы в порядок — и вдруг... улыбается. Совершенно спокойно.

НАТАЛЬЯ (*Жанне, ласково*): До новой встречи, дорогая. Рада была с тобой познакомиться.

Разворачивается, идёт к выходу. На пороге оборачивается.

НАТАЛЬЯ: Ах да...

Бросает на пол телефон Жанны. Экран разбит. На нём — последнее сообщение от Ибрахима: «Между нами всё кончено. Она о нас знает...» и фотография Натальи. Видеокамера продолжает вести запись, хотя основное действие уже завершилось.

Затемнение. На авансцену выходит КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ с микрофоном. Он обращается к «случайным» прохожим - ГЕННАДИЮ и ЭЛЬМИРЕ НАРИМАНОВНЕ, которые выглядят взволнованными.

СЦЕНА 2.2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ

(В микрофон энергично)

Добрый вечер, уважаемые телезрители! Прямое включение с места событий! Только что в сети появились шокирующие кадры из этого салона красоты! Предположительно, главная героиня – Наталья Алибабаева, первый заместитель директора крупного концерна! Мы пытаемся выяснить подробности у очевидцев. (*Подходит к Геннадию*) Простите, вы не видели, что здесь произошло? Говорят, был скандал?

ГЕННАДИЙ (*Возмущённо, разводя руками*): Видел! Это возмутительно! Настоящий беспредел! Похоже, эта история выходит далеко за рамки личных конфликтов! Серьёзные нарушения этики, возможно, закона! Так вести себя в общественном месте... Неприемлемо!

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ (*Подходит к женщине*) А вы что скажете? Выглядит как личные разборки, переросшие в нечто большее?

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА (*Серьёзно, чуть взволнованно*): Да уж... Как же достали эти «сильные женщины», которые решают всё кулаками! Это типичный пример, как личные проблемы могут разрушить карьеру. Если это действительно Наталья Алибабаева, последствия будут серьёзными. И не только для неё, но и для репутации всей компании!

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ (*Снова в камеру*): Друзья, страсти накаляются! В социальных сетях уже требуют официального заявления от компании! Люди надеются, что её уволят!

ЗАЧИТЫВАЮ ТЕКСТ ПРЕСС-РЕЛИЗА:

«В связи с обнаружением видео, на котором запечатлена женщина, похожая на первого заместителя директора концерна Наталью Алибабаеву. Мы подчёркиваем, что компания категорически осуждает любые проявления агрессии и нарушения корпоративного этикета. По результатам проверки будут приняты соответствующие меры. (*Смотрит в свой телефон*) Вот только что пришло экстренное сообщение — руководство компании назначило служебную проверку по данному инциденту! Наталья Алибабаева отстранена от должности

на время расследования! (*Обращается к Геннадию*) Что вы скажите по этому поводу?

ГЕННАДИЙ (*Саркастично*): Ну что, кажется, это финал карьеры Натальи Алибабаевой! Хотя, если честно, такое поведение для неё не новость. Почему такие люди думают, что им всё дозволено на этой сцене жизни?

ЭЛЬМИРА НАРИМАНОВНА (*Серьёзно*) Главный вопрос: почему такое становится нормой? Должны ли люди на высоких постах быть примером? Или их действия остаются безнаказанными, пока кто-то не снимет это на камеру?

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ (В камеру): И это ещё не все! По последним данным, скандал затронул и супруга Натальи, Ибрахима Алибабаева! Он работал завлитом в театре «Ребус» и, как сообщают наши источники, тоже был уволен!

Между тем, новостные каналы начинают публиковать новые подробности.

Представители театра заявили следующее: В связи с недавними событиями, связанными с семьёй Алибабаевых, дирекция театра приняла решение уволить Ибрахима Алибабаева с должности завлита. Данное решение принято в интересах сохранения репутации учреждения культуры! История набирает обороты! Юристы уже комментируют возможные последствия для всех участников!

Показывает на экран за спиной, где мелькают кадры, фотографии, заголовки.

КОРРЕСПОНДЕНТ МАКСИМ: Мы продолжим следить за развитием событий! Оставайтесь с нами!

Свет гаснет на авансцене. Затемнение.

Свет медленно высвечивает неприметную однокомнатную квартиру Ибрахима. Земные стены, беспорядок — книги разбросаны по полу, остатки незавершённых рукописей на столе. Атмосфера тягостной неопределённости.

СЦЕНА 2.3. ФИНАЛЬНАЯ.

Некоторое время спустя...

АЛИБАБАЕВ сидит за столом, окружённом стопками сценариев, книг и фотографий прошлых постановок. На столе ноутбук. В руке телефонная трубка, он внимательно слушает. Его вид усталый, творческий огонь потух.

Делает короткие заметки. Встаёт, начинает ходить по комнате, жестикулируя. Разговор завершается. Он садится, обхватывает голову руками.

Громкий стук в дверь. Алибабаев не двигается, погруженный в свой внутренний монолог.

ЖАННА (*Взывает через дверь, голос дрожит от тревоги*): Ибрахим! Открой, пожалуйста... Мне нужно с тобой поговорить. Это важно для тебя, и меня.

Алибабаев медлит, поднимает голову. Лицо осунувшееся. Медленно встаёт, идёт к двери. Открывает. Жанна стоит на пороге, руки дрожат, взгляд колеблется между сочувствием и страхом.

АЛИБАБАЕВ: Зачем пришла, Жанна? Говори. Только не жди от меня фанфар. Оркестр давно уехал.

Жанна делает шаг внутрь и замирает. Плечи опускаются, глубоко вздыхает.

ЖАННА (*Осторожно*): Сожалею, что ты больше не работаешь в театре. Сочувствую тебе. Делюсь последними новостями, раз уж ты не в курсе. Геннадий запускает-таки ту самую постановку «В капкане у монстра». Представляешь? Без твоего, увы, участия... Твоё имя из старых афиш вымарали, словно, его и не было. И самое... пикантное... (*понижает голос до доверительного шепота*). На должность завлита вернулась Эльмира Наримановна. Через суд. С внушительной, поговаривают, компенсацией... за весь вынужденный перерыв в деятельности.

Алибабаев молча слушает, не глядя на Жанну.

АЛИБАБАЕВ (*Саркастично*): Как я понял тебя, моя театральная карьера ушла в тень, навсегда?. Замечательно!

Жанна приближается к Алибабаеву.

ЖАННА (*Серьёзно, почти выкрикивая*): Но это ещё не всё! Пришла не только за этим... Ты знаешь, что Наталью арестовали?! Она напала на меня в салоне крсоты! Помнишь, я тебе звонила оттуда?! Она ворвалась, как фурия!..

Алибабаев резко оборачивается, шокированный. Хватается за стол.

АЛИБАБАЕВ: На тебя? Зачем?! Почему она так поступила?

ЖАННА: У неё было слишком много накопленной боли. Не могла справиться, что ты был постоянно занят работой... Что твой выбор пал на театр вместо семьи. И из-за меня...

Алибабаев закрывает лицо руками, плечи сотрясаются от рыданий. Жанна подходит ближе, он отстраняется.

АЛИБАБАЕВ (*Тяжело вздыхая*): Я мечтал о семье... быть рядом с ней и детьми... А теперь... всё пошло прахом... Я банкрот! и моральный, и финансовый...

ЖАННА: И сыновей ты не уберёг. Её родители забрали их тайно... (*Пауза.*) Есть и ещё кое-что важное... Елена... она ждёт от тебя ребёнка.

Алибабаев замирает. Лицо бледнеет, руки опускаются. Смотрит на Жанну.

АЛИБАБАЕВ (*Задыхаясь от ужаса*): Елена!? Ребёнок? Как я мог так опуститься, ничего не замечая?

*Нервно ходит по комнате, движения резкие, хаотичные.
Уходит Жанна. Выходит Елена.*

Флешбэк

Елена заходит в «комнату», дверь прикрыта. Алибабаев сидит за столом, разбирает бумаги. На столе — бутылка вина и два бокала (остатки вечеринки). Елена нервно тербит край блузки, будто скрывая дискомфорт.

ЕЛЕНА (*с лёгкой дрожью в голосе*): Ибрахим, ты не видел мой шарф? Кажется, забыла его у тебя... в прошлый раз.

Алибабаев поднимает взгляд, замечает её странное поведение. Пауза. Он встаёт, подходит к шкафу, достаёт шарф. Передаёт, их пальцы случайно касаются. Елена вздрагивает.

АЛИБАБАЕВ (тихо): «В прошлый раз»... Это когда мы обсуждали твой «нестандартный» подход к репертуару?

Елена краснеет, отворачивается к окну. Рука произвольно касается живота, сразу отдёргивает. Алибабаев замечает этот жест.

АЛИБАБАЕВ (мягко, но настойчиво): Елена... Ты что-то скрываешь от меня? Я давно от тебя это замечаю.

Она резко оборачивается, глаза влажные. Елена быстро вытирает глаза, поправляет блузку, делая её свободнее.

ЕЛЕНА (шёпотом, торопливо): Отвечу не сейчас... Позже. Когда всё уляжется. А сейчас ухожу.

Она уходит. Алибабаев поднимает с пола её оброненную записку.

АЛИБАБАЕВ (читает вслух): «Запись к врачу УЗИ на 16:00, четверг».

Замирает. Затем прячет в карман, бросая взгляд на дверь.

Выход из Флешбэка

Возвращается Жанна.

ЖАННА (Тихо, но уверенно): Елена боится сказать тебе правду. Боится твоей реакции. Делай свой выбор!

Алибабаев останавливается посреди комнаты.

АЛИБАБАЕВ (Разрываясь): С одной стороны, мой будущий ребёнок... а с другой — Наталья под арестом. Сыновей не смог уберечь... Как я могу выбрать? В такой ситуации выбор невелик...

Жанна подходит ближе.

ЖАННА (Чутко, мягко): Ты не одинок. Слышишь? Я рядом. Могу помочь. Моё предложение в силе: останься со мной, и я сделаю всё, чтобы вытащить Наталью! Найду лучших адвокатов! Деньги – не проблема! А ты... посоветуешь ей согласиться на... определённые условия, что даст ей шанс начать новую жизнь. Без тебя. А у нас... у нас будет своя жизнь.

Алибабаев смотрит на неё с сомнением и болью. Качает головой, отступая.

АЛИБАБАЕВ: Как я могу оставить Наталью, когда она нуждается во мне?

Жанна делает шаг вперёд.

ЖАННА (Решительно): Ибрахим! Не глупи! Ты же на краю пропасти! Подумай о себе, будущем, Елене, ребёнке! Это твой шанс начать жизнь с чистого листа. Переписать финал.

Ты будешь отцом этому малышу! Можешь поддерживать Наталью... оставаясь со мной! Мы всё сможем сделать вместе!

Алибабаев замирает, опускается на стул, закрывая лицо руками.

АЛИБАБАЕВ (*Тихо, почти шёпотом*): Бедный я... Как же я беден... Всю жизнь гнался за призраками... Не тех любил... Не тех отвергал... Ждал аплодисментов... а получил... вот это. (Обводит взглядом комнату) А теперь... когда нужно принять одно, единственно верное решение... передо мной стена! Непреодолимая преграда... из моих же ошибок...

Жанна протягивает руку, он резко отстраняется.

АЛИБАБАЕВ (*решительно*): Нет, Жанна. Не могу больше бежать. Скрываться. Лгать... себе... тебе... всем...

ЖАННА: Ибрахим!.. Ты сейчас на краю! Одумайся!

Он отрицательно качает головой. Встаёт, указывая на дверь.

АЛИБАБАЕВ (*Слабо, но твердо*): Пожалуйста, Жанна, уйди. Мне нужно побыть одному.

Жанна стоит, шокированная, лицо искажено отчаянием.

ЖАННА (*Подавленно, голос дрожит*): Ибрахим...

АЛИБАБАЕВ (*С трудом*): Нет... Жанна. На этот раз... я должен сам разобраться и принять решение., чтобы доиграть этот проклятый акт до конца... Самостоятельно.

Алибабаев берет телефон, набирает номер.

АЛИБАБАЕВ (*Тихо*): Хочу заказать такси... Поездка на вокзал... Запишите мой адрес...

Жанна бросается к нему, пытаясь удержать. Слёзы текут по щекам.

ЖАННА (*В отчаянии*): Но ты не должен оставлять всё! Ты не один! Я с тобой!..

Алибабаев оборачивается, лицо полно скорби и сожаления.

АЛИБАБАЕВ (*Вымолвив, голос дрожит*): Прощай, Жанна! Я подписал контракт с одиночеством!

Звук приближающегося такси. Алибабаев берет сумку, идёт к двери. Жанна стоит на месте, руки безвольно опускаются.

ЖАННА (*произносит долгий монолог-пророчество*): Сейчас ты - красивый, успешный, популярный, свободный. Но это не «свобода», а имитация! Связи? Они исчезли, как тени при свете. И вот ты оказался лицом к лицу с одиночеством!

Женщины, те, что в прежние времена пили с тобой вино теперь все в заботах о колясках, обоях и школьных собраниях, найдя своё «тихое счастье». А ты? С чем остался ты?! (*пауза*) Сделаешь ставку на молодых? Но им нужен такой же молодой мужчина! Ты для них архивная пыль, снятый с репертуара спектакль.

Ты должен понять, не дожидаясь когда прокрутятся заключительные титры фильма: любовь - это не фейерверк, а работа - долгая, трудная с ошибками и расплатой за них.

Представь себе: шумит вечеринка... Кругом веселье... И вот появляется она, молодая, красивая, броская, её улыбка, как режиссёрский замысел! Ты танцуешь с ней... смеёшься... Но в один миг она меняет своё решение и уже в компании с другим, кто моложе, круче тебя и сыграл свою роль лучше.

А ты — не герой, а лузер, и такой жалкий... Но внутри тебя пылает огонь, который не даёт тебе погаснуть. Ты хочешь ее удержать. И вот раздаётся третий звонок. Звучит её голос: Ты готов бросить свою гордость в утиль. Терпеть! Понимать! Платить за старые ошибки. Или для тебя одиночество в этой тишине значит больше, чем твоя любовь.

АЛИБАБАЕВ (*Печально*): Сколько бы ты ни пыталась меня разубедить, напрасно стараешься. Я свой выбор сделал... Прощай, Жанна. Путь назад закрыт. Мне не оставили другого выхода.

Поворачивается к двери, но на секунду замирает, ждёт, что она его окликнет, остановит... Она молчит. Дверь захлопывается с грохотом. Последняя фраза Алибабаева звучит из-за кулис.

АЛИБАБАЕВ: ...А может быть, мне не хватило смелости его найти.

Его шаги быстро удаляются, отражаясь эхом в пустой комнате.

Слышен звук хлопающей дверцы такси, затем звук отъезжающего автомобиля. Жанна остаётся одна в пустой комнате. Её лицо залито слезами. Она медленно опускается на пол, прижимая руки к груди. Свет медленно гаснет. Полное затемнение.

КОНЕЦ

Логлайн: В ТИСКАХ У МОНСТРА

Завлит престижного театра, погрязший в интригах, плагиате и любовных связях, в один день теряет работу, семью и любовницу, узнает о существовании взрослой дочери и нежеланном ребенке от коллеги, оказываясь перед выбором: бежать от прошлого или принять ответственность за хаос, который сам создал.

Синописис:

Ибрагим Салетович Алибабаев — завлит театра, человек амбициозный и тщеславный, предпочитающий переделывать чужие пьесы под себя, а не создавать свои. Его жизнь — клубок интриг: он балансирует между ревнивой женой Натальей и расчетливой любовницей Жанной, терпит унижения от директора и коллег, чьи места когда-то занял сомнительным путем.

Один роковой день становится точкой невозврата. Отвергнув предложение о выгодной экранизации своей пьесы из-за амбиций, Ибрагим тут же получает удар от жены: Наталья, заподозрив измену, устраивает ловушку с видеокамерой и слышит его разговор с Жанной о деньгах и тайной встрече. Одновременно директор театра под давлением коллектива увольняет Ибрагима за плагиат и диктаторские замашки. Его "инновационная" постановка с жирафами и пони провалена критикой и зрителем.

Пытаясь спастись, Ибрагим звонит бывшей школьной возлюбленной Светлане, надеясь через ее мужа-режиссера продать свои инсценировки. Светлана оглушает его новостью: у него есть взрослая дочь Вера — та самая начинающая драматург, чью пьесу он только что грубо отверг. Тем временем Наталья, узнав о месте встречи Ибрагима и Жанны, врывается в салон красоты, устраивает дикий скандал с угрозами, который попадает на видео и приводит к ее аресту и общественному позору.

Финал настигает Ибрагима в его убогой съемной квартире. Жанна, пришедшая с «последними новостями», предлагает ему спасительную соломинку: остаться с ней. Но плата за это: его отказ от Натальи и принятие роли отца ребенка Елены (его ассистентки и профсоюзного лидера), о беременности которой Ибрагим узнает только сейчас. Раздавленный грузом ошибок, потерей семьи, работы и осознанием отцовства, Ибрагим отвергает Жанну. Он не может больше лгать и бежать. Приняв одиночество как расплату, он вызывает такси и уезжает в неизвестность, оставляя за собой руины собственной жизни.

Пьеса «В тисках у монстра» — сильная, актуальная трагикомедия о цене тщеславия, предательства и поиске себя в мире масок и интриг.